

КУДА НЕСЕТ НАС РОК СОБЫТИЙ? РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В 2011 ГОДУ*

**Виктор
СТАРОДУБРОВСКИЙ**

доктор экономических наук,
профессор, главный научный сотрудник
ИЭП им. Е. Т. Гайдара

Оικονομία • Πολιτικά

OIKONOMIA • POLITIKA

С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

Сергей Есенин. Письмо к женщине

1. Своеобразие сложившегося режима функционирования экономики

Начнем по обыкновению с таблицы, характеризующей общие итоги развития российской экономики в 2011 году, по сравнению с предыдущими годами.

Итоги поначалу производят относительно приличное впечатление. Конечно, темпы роста не идут в сравнение с предкризисным периодом, когда за 1999—2007 годы ВВП ежегодно увеличивался в среднем на 7%, но на общем мировом фоне они не выглядят удручающе. Прирост ВВП составил за год 4,3% (как и в предыдущем году), при том, что темп роста мировой экономики оценивался в 3,8%, в том числе в развитых странах 1,6%, а в развивающихся — 6,2%. В каком-то отношении такая динамика российской экономики может быть более здоровой по сравнению с двузначными темпами

* При подготовке статьи использованы отдельные материалы ежегодного обзора Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара (Российская экономика в 2011 году. Тенденции и перспективы. Выпуск 33) и другие источники, но основные выводы и их обоснование отражают преимущественно мнение автора. Автор выражает благодарность А. А. Поцелуевой за проведение аналитических расчетов и оформление материалов.

Динамика основных макроэкономических показателей, 2007–2012 годы
(в % к соответствующему периоду предыдущего года)

	2007	2008	2009	2010	2011	2010				2011				2012	
						I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	январь.	февр.
Валовой внутренний продукт	108,5	105,2	92,2	104,3	104,3	103,8	104,9	103,8	104,9	104,0	103,4	105,0	104,8		
Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности ¹	107,5	104,2	91,4	105,8	105,5	105,8	106,4	103,8	106,4	105,6	104,0	106,7	105,6	105,3	107,1
Инвестиции в основной капитал	122,7	109,9	84,3	106,0	108,3	95,9	105,6	105,3	111,1	99,2	105,0	108,2	113,6	115,6 ³	115,1 ³
Объем промышленной продукции, в том числе:	106,8	100,6	90,7	108,2	104,7	109,5	110,9	106,4	106,5	105,9	104,8	105,1	103,3	103,8	106,5
добыча полезных ископаемых	103,3	100,4	99,4	103,6	101,9	106,7	104,8	101,3	102	103,3	101,7	102,2	101,3	101,4	103,7
обрабатывающие производства	110,5	100,5	84,8	111,8	106,5	112,1	116,3	109,5	109,9	110,6	105,8	105,7	104,6	104,8	106,3
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	99,4	100,6	96,1	104,1	100,1	107,7	103,6	103,9	101,6	99	101,9	101,4	98,5	99,8	106,7
Продукция сельского хозяйства	103,4	110,8	101,4	88,1	122,1	103,6	102,3	80,3	91,8	100,7	100,6	126,1	132,6	102,5	102,8
Строительство	118,2	112,2	86,8	99,4	105,1	88,9	96,7	98,9	105,6	101,6	101	107,6	106,9	111,7	106,8
Грузооборот транспорта	102,4	100,7	89,9	106,9	103,4	111,6	113	101,7	102,5	103,9	103,9	105,2	102,4	104,3	108,3
в том числе железнодорожного	107,1	101,2	88,1	107,8	105,7	114,1	113,0 ⁵	109,1 ⁶	107,8 ⁷	109,0	106,9 ⁴	105,4 ⁶	105,7 ⁷	111,5	106,1
Оборот розничной торговли	116,1	113,5	95,1	106,3	107,2	102,2	106,9	108,4	107,4	105,0	105,8	107,6	109,1	106,8	107,7
Платные услуги населению	107,9	104,9	95,8	101,5	103,0	99,9	101,6	101,5	102,6	102,9	103,8	102,4	102,8	103,7	104,5
Внешнеторговый оборот	123,5	132,1	64,9	131,1	130,2	144,1	139,1	126,3	121,4	129,3	139,1	129,9	124,1	127,9	
Экспорт товаров	116,8	133,1	64,3	132	130,4	161,1	143,4	118,4	118,1	122,8	136,9	134,0	128,2	132,2	
Импорт товаров	136,0	130,6	65,7	129,7	129,9	118,8	132,4	139,5	126,7	142,4	142,7	124,1	118,0	120,0	
Реальные располагаемые денежные доходы	112,1	101,9	102,3	104,2	100,8	108,1	104,3	105,8	102,9	100	99,0	101,6	102,6	102,0	103,1
Реальная заработная плата	117,2	110,3	96,5	105,2	104,2 ⁴	103,1	106,1	105,1	104,2	101,6	102,7	103,8	108,5	110,5	113,3 ⁴
Инфляция (ИПЦ) ²	111,9	113,3	108,8	108,8	106,1	103,2	104,4	106,2	108,8	103,8	105	104,7	106,1	100,5	100,9
Индекс цен производителей промышленной продукции ²	125,1	93,0	113,9	116,7	112,0	102,7	105,5	108,2	116,7	107	107,8	110,7	112,0	99,7	100,7

О к о н ч а н и е Т а б л и ц ы 1

	2007	2008	2009	2010	2011	2010				2011				2012	
						I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	январь	февр.
Численность занятых в экономике, в среднем за период (млн)	70,5	70,9	69,4	69,8	70,7	68,0	70	71,1	70,1	69,4	70,7	71,9	70,9	70,0	69,9
Численность занятых в экономике, в среднем за период (%)	102,4	100,5	97,8	100,6	101,3	99,6	101	101	100,9	102,1	101	101,1	101,1	101,2	100,5
Численность безработных, в среднем за период (млн)	4,6	4,8	6,3	5,6	5,0	6,6	5,6	5,2	5,2	5,6	5	4,8	4,7	4,9	4,8
Численность безработных, в среднем за период (%)	86,7	104,4	131,7	88,9	89,1	96,2	86,6	86,8	85,2	85,7	88,1	91,8	91,6	84,5	84,9
Общий уровень безработицы, по методологии МОТ (в % к экономически активному населению)	6,1	6,3	8,4	7,5	6,6	8,8	7,4	6,8	6,9	7,5	6,6	6,2	6,3	6,6	6,5
Численность официально зарегистрированных безработных, в среднем за период (млн)	1,6	1,4	2,1	1,9	1,4	2,2	2,0	1,7	1,5	1,6	1,5	1,3	1,2	1,3	1,3
Численность официально зарегистрированных безработных, в среднем за период (%)	88,3	89,7	148,9	90,0	76,3	114,2	91,1	81,0	74,9	73,1	75,4	78	80,2	80,6	79,9
Дефицит (-), профицит (+) федерального бюджета (% к ВВП)	5,4	4,1	-5,9	-4,0	0,8	-2,6	-1,1	-2,6	-8,6	1,6	4,1	3,0			-0,5 ⁴
Международные резервы, на конец периода (млрд долл.)	478,8	427,0	440,6	479,4	498,6	447,4	461,2	490,1	479,4	502,5	524,6	516,8	498,6	505,4	513,98
Резервный фонд (млрд руб.)	3057,9	4027,6	1830,5	775,2	811,52	1553,3	1226,6	1258,3	775,2	748,5	746,8	823,8	811,52	1863,1	1806,5
Фонд национального благосостояния (млрд руб.)	783,3	2584,5	2769,0	2695,5	2794,4	2630,3	2666,4	2722,2	2695,5	2609,7	2600	2827,1	2794,4	2682,2	2600,9
Иностранные инвестиции (млрд долл.)	120,9	103,8	81,9	114,7	190,6	13,1	17,2	17,1	67,3	44,4	43,4	60,6	56,8		
Внешнеторговый баланс (млрд долл.)	132,1	179,7	111,6	151,7	198,8	46,5	39,5	29,2	36,4	48,4	50,9	45,9	54,4	20,5	
Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором	81,7	-133,7	-56,1	-34,4	-80,5	-15,1	3,7	-3,0	20,1	-19,8	-7,3	-18,4	-35,0	-35,1 ⁸	
Индекс РТС, на конец периода	2290,5	631,9	1444,6	1802,2	1381,9	1608,4	1288,7	1531,9	1802,2	2076,8	1937,6	1291,7	1381,9	1577,3	1735

¹ Исчисляется на основе данных об изменении физического объема производства сельскохозяйственных ископаемых, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, строительства, транспорта, розничной и оптовой торговли; ² к декабрю предыдущего года; ³ оценка; ⁴ предварительные данные; ⁵ первое полугодие; ⁶ январь-сентябрь; ⁷ январь-декабрь; ⁸ I кв. 2012 года (оценка).
 Источники: Росстат, ЦБ РФ, Минфин РФ.

роста многих показателей в последние предкризисные годы, поскольку не связана с перегревом. Обращает на себя внимание самый низкий за последние двадцать лет уровень инфляции, составивший 6,1% (декабрь к декабрю) против 8,8% в 2010 году. Хотя из-за повышенного роста цен в начале года в среднем за год (январь—декабрь к соответствующему периоду предыдущего года) она достигла 8,4% по сравнению с 6,9% годом раньше. Продолжается снижение безработицы, и ее уровень по мировым меркам относительно невысок. После неурожая предшествующего года значительный прирост дало сельское хозяйство. Динамичны показатели внешней торговли. Увеличиваются иностранные инвестиции.

На основе таких итогов порой формируется мнение, что наша ситуация достаточно благополучна и основные угрозы для дальнейшего развития исходят из-за рубежа, от других стран, в экономике которых сохраняются серьезные трудности и возможна неблагоприятная динамика. Это прежде всего относится к Европе и США. Появляются симптомы осложнений в Китае, затрудняющих сохранение высоких темпов экономического роста. Ниже ситуация в ведущих странах мира будет рассмотрена отдельно. Внешние условия, несомненно, оказывают и будут оказывать существеннейшее влияние на российскую экономику, которая во многом оказалась их заложницей, в первую очередь в связи с зависимостью от мировых цен на сырьевой экспорт. Внешнеэкономический фон не может не давить и на поведение отечественного бизнеса, заражая его бактериями хронической неуверенности.

Но важно и разделить по возможности внешние и внутренние факторы. Ибо принципиальный вопрос заключается в том, в какой мере мы используем внутренние возможности экономического роста, что — помимо внешних обстоятельств — мешает более успешному развитию России. Тем более что основной проводник внешнего влияния на российскую экономику — цены на энергоносители — пока более чем благоприятны для нас как по уровню, так и по темпам роста.

Как представляется, в течение двух лет, и особенно явно в 2011 году, наблюдался *специфический режим развития российской экономики*. Из его особенностей можно выделить следующие.

- *Относительно вялые темпы экономического роста* с учетом стадии экономического цикла, связанной с постепенным выходом из кризиса и преимущественно восстановительным характером роста, *при исключительно благоприятной внешнеэкономической ценовой ситуации*.
- *Неуверенность экономического развития: страна фактически уже прошла своеобразную вторую мини-волну кризиса*, когда с середины 2010 по середину 2011 года происходило заметное снижение темпов роста ряда определяющих показателей при последующем ускорении их динамики.
- *Затухание темпов роста промышленности, прежде всего — обрабатывающей*, что ослабило начинавшийся позитивный структурный сдвиг в сторону снижения ресурсозависимости.

- *Существенное снижение в 2011 году роли внешнего спроса как фактора экономической динамики.*
- *Слабая динамика инвестиционного спроса — особенно в первой половине 2010 и в первой половине 2011 годов. Задержка перехода к инвестиционной фазе экономического роста. Позитивный признак — значительное увеличение иностранных инвестиций.*
- *Своеобразное развитие потребительского спроса: заметное опережение неравномерных и до второй половины 2011 года невысоких темпов роста конечного потребления домашних хозяйств и розничного товарооборота по сравнению с доходами населения, оказавшимися в состоянии стагнации, и с динамикой заработной платы. Иными словами, рост потребительского спроса происходил в значительной мере за счет сокращения доли сбережений в расходах населения и интенсивного расширения потребительского кредитования.*
- *Постепенное снижение общей численности безработных с 6,3 млн в 2009 году, на который приходится пик кризиса, до 5 млн в 2011 году. По отношению к экономически активному населению — соответственно с 8,4 до 6,6%. Минимальный уровень безработицы был достигнут в 2007 году и составил 6,1% (4,6 млн).*
- *Сохранение высоких темпов роста внешней торговли. Превышение в конце года максимальных месячных объемов экспорта и импорта, достигнутых перед кризисом в 2008 году. Однако увеличение экспорта происходило целиком за счет благоприятной конъюнктуры цен при некотором снижении его физического объема. Прирост же импорта достигался преимущественно за счет его физического объема. Импорт обеспечивал более половины прироста внутреннего спроса. При этом импорт сам по себе требует реализации определенных производственных функций внутри страны (транспортировка, переработка) и обеспечивает некоторый прирост ВВП. Сохранение высокого сальдо внешней торговли.*
- *Снижение и достижение в 2011 году пусть и немало по величине, но наиболее низкого за весь период перехода к рыночной экономике уровня инфляции в 6,1% (декабрь к декабрю) при более высокой среднегодовой инфляции по сравнению с 2010 годом.*
- *Сохранение под влиянием высоких мировых цен на углеводороды и другие товары сырьевого экспорта видимости благополучия с государственным бюджетом. Достижение профицита государственного бюджета в 0,8% ВВП при высоком уровне нефтегазового дефицита в 9,4% ВВП, характеризующего остроту рисков в случае снижения цен и нехватки соответствующих резервов.*
- *Неустойчивость динамики курса рубля при сохранении тенденции к его укреплению.*
- *Неравномерное увеличение золотовалютных резервов страны.*
- *Возобновление роста частной и квазигосударственной (за счет структур с высоким участием государства) внешней задолженности.*
- *Неуверенная динамика фондового рынка.*

- *Рост кредитования корпоративного сектора и населения при нарушении банками необходимой пропорциональности между кредитами и приростом депозитов, что приводит к разбалансированности банковской системы.*
- *Резкий рост и устойчивость в течение всего года оттока капитала из страны.* Сочетание в платежном балансе высокого положительного сальдо счета по текущим операциям со значительным отрицательным сальдо капитального счета.
- *Сохранение системных факторов, препятствующих нормальному развитию, и прежде всего неблагоприятного и ухудшившегося в течение ряда лет инвестиционного и в целом предпринимательского климата.* За прошедшее время его улучшения не произошло.

Теперь остановимся на некоторых аспектах более подробно.

На наш взгляд, оправданно говорить об *относительно вялых темпах роста* применительно к переживаемой стадии экономического цикла. В разделе Обзора Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара (ИЭП), подготовленном В. А. Мау, обоснованно отмечается, что нынешний кризис носит системный и структурный характер. Выделен ряд факторов, которые «вместе взятые объясняют коренное отличие системного кризиса от циклического. Циклический кризис лечится временем, он предполагает не изменение политики, а преодолевается сам по себе, когда сдувается возникший в период бума „пузырь“. Системный кризис требует существенной трансформации экономической политики, основанной на новой философии экономической жизни. Иначе говоря, здесь структурные проблемы доминируют над циклическими»¹. Это весьма принципиальное соображение, к которому мы еще вернемся. Но если системный кризис не сводится к циклическому и существенно отличается от него, то он не отменяет сами циклы и особенности их стадий. Важно то, что даже циклическое восстановление предкризисного уровня производства и достижение более-менее благоприятной дальнейшей динамики еще не означает для многих стран выхода из системного структурного кризиса. А с учетом взаимозависимости современного мира это в той или иной мере относится ко всем странам.

Последствия кризиса, как известно, далеко не одинаковы для разных групп стран. Российская экономика не отягощена (пока!) веригами, особенно в виде чрезмерного государственного долга и дефицита государственного бюджета, которые тормозят выход из кризиса традиционным путем ведущих развитых стран от США и Евросоюза до Японии. Поэтому можно было бы ожидать более динамичного восстановления докризисного уровня производства, в том числе за счет повышения снизившейся во время спада загрузки производственных мощностей и рабочей силы.

Обратим внимание на то, что неспешная динамика экономики сложилась на фоне среднегодового уровня мировых цен на нефть марки

¹ Цитируется по тексту раздела, представленного в годовом Обзоре ИЭП им. Е. Т. Гайдара за 2011 год (в печати).

Urals в 109,1 долл. за баррель, что выше показателя предыдущего года (78,3 долл.) на 39,3%. Это самый высокий темп после 2005 года. Номинально эта среднегодовая цена наиболее высокая в истории, хотя текущий максимум был зафиксирован перед началом активной фазы кризиса в августе 2008 года, когда цена на короткий срок превысила 140 долл. за баррель.

Первоначально ускоренный рост у нас все же наблюдался — если не по всей экономике, то в некоторых важных ее структурных частях. Так, обрабатывающие производства в промышленности после спада в 2009 году на 15,2% выросли в 2010 году на 11,8%, а во II квартале — даже на 16,3% к тому же периоду предыдущего года. В I квартале 2011 года их рост сохранялся на высоком уровне: 10,2%, но потом упал почти вдвое и составил в следующих кварталах соответственно 5,8; 5,7 и 4,6%. Аналогично промышленность в целом, потерявшая в 2009 году 9,3%, росла в I и во II кварталах 2010 года на 9,5 и 10,9%, в следующих кварталах того же года — на 6,4 и 6,5%, а за весь 2011 год рост составил только 4,7%, причем начиная с сентября не достигал 4%, а в обычно благополучный декабрь даже упал до 2,5%. То, что восстановительный рост носит вначале высокий, а затем затухающий характер, общеизвестно. Однако в ситуации выхода из нынешнего кризиса вторая особенность проявилась быстрее и заметнее, чем первая. По данным Росстата, восстановление (достижение при исключении сезонного и календарного факторов среднемесячного уровня 2008 года, хотя он был ниже, чем в первых кварталах до начала резкого спада в том году) произошло по промышленности в конце 2010 года, а по обрабатывающим производствам — в марте 2011 года.

Гримасы спроса

Экономический рост происходит, как известно, вслед за ростом спроса. При этом изменение *внешнего спроса* было в 2011 году минимальным. Если оценивать физический объем экспорта по методологии национальных счетов, то в 2010 году после спада за предыдущий год на 4,7% он вырос на 7% и на него пришлось 1,8 из 4,3% прироста ВВП. В 2011 году произошла фактически его стагнация, рост составил всего 0,4% (бойкие темпы увеличения экспорта на 30,4%, по данным о внешней торговле, достигаются за счет повышения цен). И вклад его в прирост ВВП в 2011 году (который составлял те же 4,3%) был только 0,1%. Таким образом, ВВП увеличивался почти целиком за счет поставок на внутренний рынок. Стагнация физического объема внешнего спроса, скорее всего, сохранится в ближайшие годы, поскольку заметному увеличению экспорта нефти и других углеводородов препятствуют слабый рост добычи и недостаточная определенность перспектив спроса; вклад других сырьевых товаров, связанных в том числе с металлургией, не может быть значительным, а несырьевых — тормозится слабой конкурентоспособностью экономики. В свою очередь, ожидать дальнейшего существенного повышения мировых цен на нефть можно,

видимо, только при возникновении чрезвычайных ситуаций, поскольку их уровень становится все ближе к тому, который окажется сдерживающим фактором дальнейшего экономического роста многих стран (по разным оценкам, примерно от 120 до 140—150 долл. за баррель). Так что резонно предположить, что и темпы увеличения стоимостного объема экспорта будут затухать по сравнению с достигнутыми в 2011 году.

В итоге основное влияние на рост производства в 2011 году пришлось на долю *внутреннего спроса*, что, вероятно, продолжится в ближайшие годы. Внутренний спрос покрывается за счет как отечественных, так и импортных товаров и услуг, и тем самым увеличивается в нормальном случае быстрее, чем ВВП. В 2011 году прирост внутреннего спроса составил 8,7% и более чем вдвое опережал ВВП (в 2010 году он был равен 7,4%). Вклад поставок на внутренний рынок, то есть отечественного производства, обеспечивающего это увеличение внутреннего спроса, составил 4,2% при 4,3% общего прироста ВВП. В предыдущем году он был значительно меньше — 2,5%. С одной стороны, это свидетельствует об определенном улучшении, о более полном использовании возможностей увеличения производства, не связанного с экспортом. С другой стороны, в структуре этого прироста не все однозначно. Если рассмотреть отраслевую структуру прироста валовой добавленной стоимости (включая экспорт), то необычно высокую его долю — 0,6% — обеспечило после спада в 2010 году сельское хозяйство. В 2012 даже при благоприятных результатах рассчитывать на сохранение такого влияния этой отрасли на общую динамику не приходится. Вклад же промышленности сократился до 1,1% против 2% в 2010 году. При этом за счет добычи полезных ископаемых сокращение составило 0,4% прироста валовой добавленной стоимости, за счет обрабатывающих производств — более 0,3%.

Среди двигателей роста производства, ориентированного на внутренний рынок, особую роль при выходе из кризиса приобретает *инвестиционный спрос*. Начало улучшения дел в строительстве нередко служило в разных странах сигналом перехода к преодолению спада и к следующей стадии цикла, связанной с более устойчивым подъемом экономики. В России активизация инвестиционного процесса становится все более судьбоносной не только для преодоления последствий кризиса, но и для стратегического будущего — из-за хронического затяжного устаревания оборудования, остро нуждающегося в массовой замене. Необходимость перехода к инвестиционному типу роста остается в числе приоритетных проблем, от которых зависит развитие страны. В течение предкризисного десятилетия экономического подъема, несмотря на высокие и существенно опережающие по сравнению с ВВП темпы увеличения инвестиций, решить эту проблему в достаточной мере не удалось². Но в 2011 году, как и в предыдущем, *инвестиционная активность оставалась неустойчивой*, несмотря на то, что в конечном счете за год прирост

² См., в частности: Стародубровский В., Волощук Д. На пути к инвестиционному типу экономического роста // Экономика переходного периода: Сб. избранных работ. 2003—2009 / ИЭП. М.: Дело, 2010. С. 585—611.

инвестиций в основной капитал достиг приличного темпа в 8,3% (при 6% в 2010 году), заметно опередив динамику ВВП. Характерно, что и в 2010, и в 2011 году в первые месяцы происходило падение объемов инвестиций в основной капитал по сравнению с теми же периодами предшествующих лет, то есть по отношению к очень низкой базе кризисного 2009 года. Опыт показывает, что приросты в самом начале года обычно ниже, чем в среднем за год. Но ситуация, близкая не к прямому уменьшению в это время сопоставимых абсолютных объемов, а к почти полному отсутствию их роста, до сих пор в этом веке случалась у нас только в 2002 году, когда после некоторого снижения цен на нефть нефтяники поспешно пересмотрели свои инвестиционные программы и существенно их сократили. Конечно, месячные данные об инвестициях весьма ненадежны и обобщение инвестиционной статистики по полному кругу предприятий происходит в итоге года. Но вряд ли степень неточности существенно различается в разные годы. В таком случае бросающиеся в глаза различия в помесячной динамике по годам отражают внутригодовые особенности сравниваемых лет. *Инвестиционный спад в начале года по сравнению с очень низким исходным уровнем два года подряд свидетельствует о сохранении в эти годы повышенной неуверенности бизнеса в надежности развития в видимой перспективе.* Правда, сейчас есть вероятность того, что ситуация может измениться. Однако объем инвестиций в 2011 году еще заметно — на 3,3% — отставал от уровня 2008 года, когда начался кризис.

Похожей была и динамика строительства. Его продукция в первой половине года или снижалась в отдельные месяцы, или стагнировала, но во втором полугодии произошло оживление, и в целом за год прирост достиг 5,1%. Ввод в действие жилых домов в первом полугодии составил только 96,3% по отношению к тому же периоду предыдущего, когда этот показатель, в свою очередь, уступал предшествующему году. Во втором полугодии приросты существенно возросли, что позволило вывести годовой показатель на приличный уровень в 6,6%. Однако до предкризисного уровня строительное производство в 2011 году еще не дотянуло 9,3%.

Не свидетельствует о благополучии и структурное влияние инвестиционного спроса на рост ВВП. В целом прирост физического объема валового накопления составил 20,8%, а доля его в ВВП поднялась за год с 22,4 до 24,6%, что, казалось бы, весьма неплохо, и при прочих равных условиях этот уровень можно считать нижней границей, необходимой для достижения нормального инвестиционного роста. Но не в реалиях 2011 года, поскольку доля валового накопления *основного капитала*, которое и характеризует наиболее полно потенциал инвестиционного роста, составила только 21% и была даже ниже, чем в 2010 году (21,4%). Подавляющая же часть прироста валового накопления пришлось на увеличение запасов. Если вклад валового накопления в 8,7% прироста внутреннего спроса составил 4,8% (против 5,1% в 2010 году), то из них на долю изменения запасов материальных оборотных средств пришлось

преобладающая часть — 3%, — а на валовое накопление основного капитала — только 1,8%. Соответствующие данные за 2010 год — 3,9 и 1,2%. Иными словами, *второй год подряд примерно 3–4% прироста внутреннего спроса (близко к увеличению ВВП) приходится на наращивание запасов*. Восстановление запасов — нормальный процесс посткризисного оздоровления экономики. Но после насыщения ими (а в IV квартале 2011 года они уже начали не прирастать, а сокращаться) сохранить прежний рост можно будет только при условии дополнительного импульса спроса в экономике, в том числе за счет активизации инвестиционного процесса. Если такой активизации не произойдет, следствием станет снижение темпов прироста валового накопления и самого ВВП. В 2011 году на соотношение между двумя рассматриваемыми составными частями валового накопления повлияло в некоторой мере изменение учета: лимит стоимости активов, относящихся к материально-производственным запасам, был повышен с 20 до 40 тыс. руб. (приказ Минфина России от 24.12.2010 № 186Н). Ранее эти активы относились к валовому накоплению основного капитала. Но такое перераспределение не в состоянии существенно изменить общую картину.

С точки зрения оценки возможных ближайших перспектив инвестиционного процесса и строительного производства представляет интерес *динамика инвестиционного комплекса в промышленности*, включающего строительные материалы (на которые приходится подавляющая часть вида деятельности «производство прочих неметаллических минеральных продуктов») и машиностроение. Последнее представлено тремя видами деятельности: «производство машин и оборудования», «производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования» и «производство транспортных средств и оборудования». Динамика промышленного инвестиционного комплекса закладывает основу последующего роста строительства и инвестиций в основной капитал. В этом комплексе, на первый взгляд, ситуация выглядит менее пессимистично: входящие в него виды деятельности, кроме электрооборудования, электронного и оптического оборудования, росли опережающими темпами по сравнению с приростом в 6,5% за год по обрабатывающим производствам в целом. На инвестиционный комплекс приходится более 56% прироста продукции обрабатывающих производств³ (а во время кризиса он обусловил бóльшую часть их спада). Особенно существенно, почти на четверть (24,6%), выросла продукция транспортных средств и оборудования, обеспечив 37,5% прироста обрабатывающей промышленности. Правда, немалая часть транспортных средств приходится на легковые автомобили, которые относятся не к инвестициям в основной капитал, а к товарам народного потребления. Вместе с тем, массовое производство этой конечной продукции способно наряду со строительством тянуть за собой целую

³ Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2011 году / Минэкономразвития России. 2012. Февраль. С. 9.

цепочку отраслей, обеспечивающих ее материалами и комплектующими изделиями. Производство легковых автомобилей выросло за год на 44,5% и достигло 1737 тыс. штук, превзойдя достигнутый в 2008 году максимум в 1470 тыс. штук. В первой половине года этому успеху способствовали программы стимулирования спроса на отечественную автомобильную технику, такие как программа утилизации транспортных средств и льготного кредитования. На эти программы пришлось соответственно 11,7 и 10% годовой реализации легковых и легких коммерческих автомобилей⁴. Производство грузовых автомобилей увеличилось на треть (33,4%), составив 207 тыс. штук, и все еще заметно отставало от максимума в 285 тыс. штук, достигнутого в 2007 году.

Влияние же приростов автомобильной продукции на смежные отрасли в особенности сказалось на шинах для легковых автомобилей, производство которых увеличилось на 20,2%. И слабо отразилось на металлургическом производстве, выросшем на 5,2% (прирост же в совокупности металлургического производства и производства готовых металлических изделий составил только 2,9% против 12,4% в 2010 году). Значительная часть необходимой для изготовления автомобилей металлургической продукции продолжает поступать из-за рубежа.

Производство машин и оборудования увеличилось на 9,5%, обеспечив 7,5% прироста продукции обрабатывающих отраслей. На оборудование для строительной отрасли это повлияло неоднозначно: если число башенных кранов выросло на 33%, то экскаваторов — сократилось на 7,1%. Прирост стройматериалов (продукции прочих неметаллических минеральных продуктов) составил 9,3%, хотя по кварталам наблюдалось некоторое снижение его темпов. Вклад в прирост обрабатывающей промышленности составил 6,6%. Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, состав продукции которого ближе всего к высокотехнологичным видам, выросло на 5,1% (влияние на увеличение обрабатывающих видов деятельности 4,7%) при весьма неравномерной динамике по месяцам.

Однако представление о ситуации в инвестиционном комплексе промышленности существенно меняется, если проводить сравнение с докризисным периодом. Даже несмотря на значительный скачок, производство транспортных средств и оборудования смогло лишь на 3,4% превысить уровень 2008 года. Производство стройматериалов отстает на 12,3%, электрооборудования, электронного и оптического оборудования — на 12,5%, машин и оборудования — на 15,8%. Напомним, что обрабатывающие производства в целом вышли на предкризисный уровень.

Намного благополучнее выглядит положение с притоком *иностраннх инвестиций*. В 2011 году, по данным Росстата, он составил 190,6 млрд долл. и увеличился против 2010 года на 66,1%, в том числе прямые инвестиции выросли на 33,3% — до 18,4 млрд долл. Но если общий объем иностранных инвестиций превысил максимальное до-

⁴ Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2011 году. С. 70.

стижение 2008 года в 120,9 млрд долл. на 57,7%, то прямые инвестиции отставали от максимума того же года на одну треть. Сохраняется существенная разница между оценками прямых иностранных инвестиций со стороны Росстата, с одной стороны, и по методологии платежного баланса, используемой в международной практике, с другой. В последнем случае их объем оценивается в 48,5 млрд долл. против 37,8 млрд долл. в 2010 году (рост на 28,3%).

Своеобразная ситуация наблюдается и в области *потребительского спроса*. Рост значений основных его параметров в 2011 году можно считать достаточно успешным. Так, конечное потребление домашних хозяйств увеличилось на 6,8% (с 6,1% в I квартале до 7,7% в IV квартале), розничный товарооборот за год — на 7,4% (по кварталам от 5 до 9,1%), объем платных услуг населению — на 3%, без заметных колебаний внутри года. Но это происходило при существенном отставании динамики доходов населения. Так, реальные располагаемые доходы населения практически стагнировали, увеличившись за год только на 0,8%. Лишь декабрь выпал из унылого ряда их внутригодовой динамики, принеся 6% роста. Несколько более активной, но тоже отстающей от большинства показателей, характеризующих физический объем потребительского спроса, была, особенно в конце года, динамика средней реальной начисленной заработной платы. Она выросла за год на 4,2%, а по кварталам — с 1,6% в первом до 8,5% в последнем. Иными словами, по статистике, потребительский спрос, то есть расходы населения, рос значительно быстрее их доходов. Доля потребительских расходов выросла с 68,8% в 2010 до 72% доходов в 2011 году.

Такая ситуация может складываться под влиянием ряда факторов.

Первый — *изменение склонности населения к сбережениям*: уменьшение доли доходов, направляемой на сбережения, и увеличение их доли, используемой на потребление. Это позволяет повышать потребительский спрос без соответствующего прироста доходов. Действительно, как видно на рис. 1, если в предкризисные годы доля сбережений составляла 9—11%, то с наступлением кризиса произошел резкий спад, приведший к снижению ее в 2008 году почти вдвое, но с марта 2009 года этот показатель стал заметно расти, достигнув в среднем за этот год почти 14%, а в 2010 году — 14,6%. Это — нормальное, проверенное опытом разных стран поведение населения в сложных кризисных условиях, подстраховка на случай дальнейшего ухудшения ситуации. Но с марта 2010 года наметилась, при всех отклонениях, выраженная тенденция к снижению доли сбережений (что корреспондировало со снижением темпов прироста реальных располагаемых доходов населения), и в 2011 году ее значения стали приблизительно соответствовать докризисному уровню. В январе—феврале произошло еще более значительное падение, но оно может быть связано с повышенными расходами в период длительных новогодних праздников.

Второй — *активизация потребительского кредитования*. Сумма кредитов, выданных банками физическим лицам, увеличилась по

сравнению с 2010 годом на 35,9%, а в реальном выражении их рост составил 24,5%.

Динамика потребительского кредитования также представлена на рис. 1. Высокое, хотя и несколько снижающимися темпами, нарастание кредитов населению было характерно в предкризисные годы. В период кризиса рост прекратился, и с середины 2008 по август 2009 года наблюдалось снижение. Затем снова началось устойчивое нарастание, хотя и не такими темпами, как перед кризисом, но на конец января 2011 года этот показатель был выше, чем годом ранее, на 36,8%, более чем вдвое опережая рост номинальной зарплаты. Это, естественно, заметно способствовало увеличению потребительского спроса.

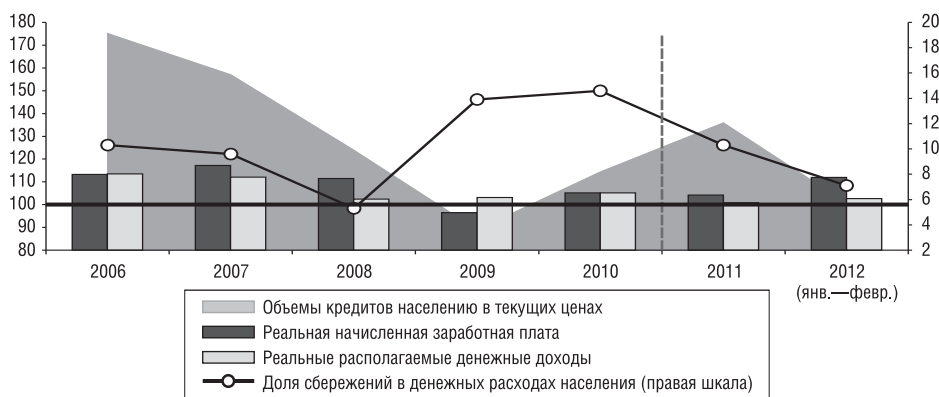

Рис. 1. Динамика склонности населения к сбережениям, потребительского кредитования и доходов населения (в % к предыдущему периоду)

Третий — активизация процесса ухода зарплат в тень, вызванная в первую очередь увеличением с начала 2011 года страховых взносов с 26 до 34% заработной платы. Иными словами, учитываемые статистикой суммы реальных располагаемых доходов населения и уровни заработной платы, скорее всего, ниже того, что имеет место в действительности, и разрыв между динамикой их и показателей потребительского спроса (тем же розничным товарооборотом) не столь значителен.

Вообще, эксперимент с повышением страховых взносов в очередной раз наглядно продемонстрировал удручающие последствия механического административного вмешательства в экономику. О неизбежности отрицательных последствий говорилось многими, в том числе в статье, опубликованной по итогам 2010 года⁵. Реально они проявились по разным направлениям: уход части заработной платы и персонала в тень привел к уменьшению доли заработной платы в ВВП на 2 п.п. В результате, по оценкам президента Центра стратегических разработок Михаила Дмитриева, налогооблагаемая база по страховым взносам могла сократиться на 4—8%⁶. И это при том, что предел возможных

⁵ См.: Экономическая политика. 2011. № 2. С. 170—171.

⁶ См.: Ведомости. 2012. 29 февр. www.vedomosti.ru/politics/news/1518114/15_vvp_v_teni.

дополнительных поступлений определялся увеличением ставки взносов на 8% к заработной плате. Кроме того, вывод части зарплаты в тень вызвал недобор налогов на доходы физических лиц в местных бюджетах. По некоторым экспертным оценкам, государство и муниципалитеты недополучили платежей в целом в размере 1,45% ВВП⁷. Хотя и в меньшей мере, чем ожидалось, но доходы Пенсионного фонда удалось все-таки увеличить на 1,44% ВВП (с 5,05 до 6,49% ВВП). Увеличение могло быть достигнуто благодаря не только повышению ставки взносов, но и улучшению их собираемости. Если верна предыдущая оценка об общих потерях платежей, то в конечном счете страна от увеличения взносов никаких дополнительных средств не получила. К выводу даже о некотором снижении совокупных поступлений приходит Министр финансов РФ А. Силуанов⁸, справедливо считающий, что вывод части заработной платы в тень начался не после повышения страховых взносов с начала 2011 года, а еще в 2010 году, когда об этом стало известно. В итоге, по его данным, если совокупные поступления от налога на доходы физических лиц и страховых взносов составляли в 2009 году 10,22% ВВП, то в 2011 году они снизились до 10,16%. Таким образом, разные оценки дают практически одинаковые результаты.

Переход в теневой сектор части работников ускорился, что привело к усилению разрыва между численностью занятых, определяемой по опросам Росстата, и численностью наемных работников по отчетам предприятий. Если за период 2000—2008 годов занятых стало больше на 4 млн, а численность наемных работников сократилась на 2 млн, то только за 2010—2011 годы, по данным Минэкономразвития, занятость выросла на 1,3 млн, а уменьшение числа наемных работников составило 1,12 млн⁹. Кроме того, увеличение страховых взносов тормозило рост производства, побуждало предприятия в начале года активно повышать цены на свою продукцию, чтобы компенсировать потери прибыли от дополнительного налога. В очередной раз подтвердилось то, что давно известно, но с большим трудом усваивается при проведении политики — в экономике не бывает решений, приводящих к однозначным последствиям. Всегда возникает веер последствий, нередко противоположно направленных, всегда есть элемент неочевидности, поэтому столь важно продумывать и просчитывать различные возможные варианты, избегать поспешности и наивных надежд на результаты упрощенных, прямолинейных мер.

Четвертый фактор, на роль которого хотелось бы надеяться, хотя она не очевидна, — *возможный поворот бизнеса к эффективности, к экономии издержек, включая издержки на заработную плату*. Неочевидность связана с тем, что преимущественное влияние на финансовые показатели предприятий нередко оказывает изменение цен производителей.

⁷ Ведомости. 2012. 29 февр.

⁸ См.: Силуанов А. Минфин разрабатывает критерии по ограничению оборота наличности // Известия. 2012. 7 марта. С. 5.

⁹ См.: Ведомости. 2012. 29 февр.

Чтобы понять ситуацию и оценить влияние заработной платы на динамику издержек производства, были произведены расчеты (с учетом ограниченности данных, предоставляемых нашей статистикой) динамики удельной заработной платы в промышленности, определяемой исключительно изменениями средней заработной платы, без учета движения численности работников. Назовем ее условной удельной зарплатой. Снижение ее означает экономию издержек производства за счет заработной платы, увеличение — удорожание себестоимости. С 2011 года в условную удельную заработную плату дополнительно было включено также увеличение пропорциональных заработной плате расходов, связанных с повышением социальных взносов на 8 п.п., с 26 до 34%. Характерно, что, если в целом за 2011 год удельная условная зарплата была снижена по сравнению с 2010 годом на 4,1%, то с учетом прироста страховых платежей она увеличилась на 2%. Предприятиям не удалось обеспечить экономию затрат заработной платы, которая перекрыла бы этот навязанный государством удорожающий фактор. Более детальное представление дает рис. 2, где приводятся квартальные данные за ряд лет.

В течение 2006—2007 годов удельная заработная плата при некоторых колебаниях изменялась незначительно. В 2006 году немного преобладало ее снижение — на 0,7% в среднем за год, в 2007 году — повышение в среднем на 2,3%. Экономии ее препятствовал высокий рост средней номинальной зарплаты, особенно во второй половине 2007 года. И лишь перед наступлением кризиса, в течение первых трех кварталов 2008 года, удельная заработная плата стала заметно снижаться. Причем номинальная средняя заработная плата продолжала увеличиваться в это время достаточно высокими темпами, а главным фактором, приводившим к сокращению удельных затрат, стал ускоренный и превышавший рациональные рамки рост цен производителей. Соответственно

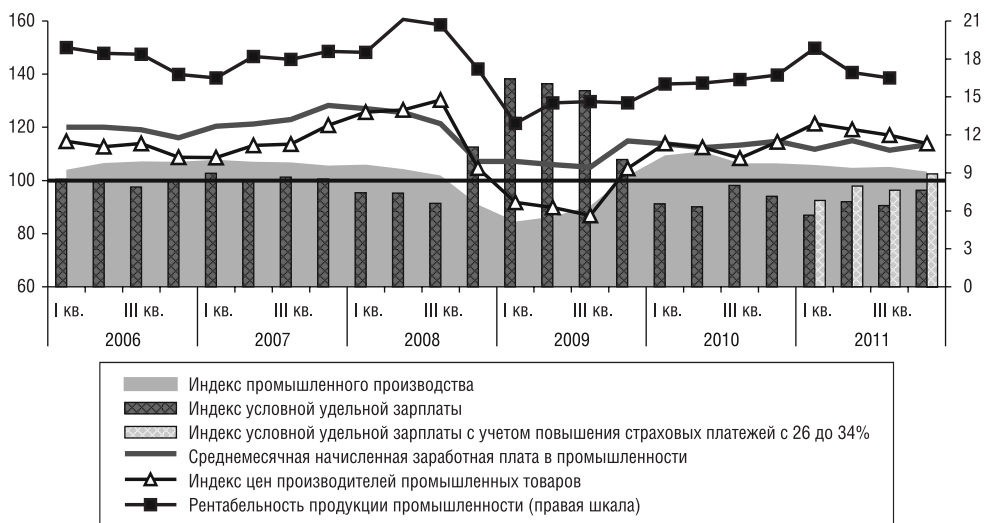

Рис. 2. Динамика удельной заработной платы и ряда показателей хозяйственной деятельности в промышленности (в % к соответствующему кварталу предыдущего года)

увеличивалась и рентабельность. Показатели улучшались без особых реальных усилий предприятий по повышению эффективности производства и снижению издержек. Можно предположить, что возможность улучшать финансовые показатели, повышать прибыль и рентабельность преимущественно за счет увеличения цен, с одной стороны, отражает повышенную монополизацию нашей экономики, а с другой — ослабляет интерес предприятий к снижению издержек производства, в том числе за счет реальной экономии на заработной плате.

С наступлением кризиса ситуация существенно изменилась. В условиях падения спроса и объемов продукции и услуг одним из способов выживания и удержания какой-то части рынка становится снижение цен производителей. Это и происходило в течение первых трех кварталов 2009 года. Данные факторы привели к существенному, превышавшему в первые три квартала 30% росту удельных затрат на заработную плату к предыдущему году. Неизбежно выросла и доля всех издержек производства в объеме продукции. Соответственно наблюдалось значительное сокращение прибыли и рентабельности. Реальная средняя заработная плата в это время снижалась, но номинальная оставалась немного выше уровня предшествующего года. Снижение реальной заработной платы отражает усиление внимания предприятий к экономии издержек, включая заработную плату.

Пик падения цен производителей пришелся на III квартал 2009 года. В IV квартале начался их рост, а также некоторое увеличение физического объема промышленной продукции. Вышел на более высокий уровень (около 15% к предыдущему году) и прирост номинальной зарплаты. Причем этот темп с небольшими колебаниями сохранялся в течение двух лет до конца 2011 года. Его стабильность в сочетании с ростом цен производителей и объема продукции привела к снижению на всем протяжении этих двух лет удельных затрат заработной платы, то есть к экономии издержек производства за счет заработной платы. На более высокий уровень вышла и рентабельность продукции.

Наибольшее увеличение цен производителей пришлось на I квартал 2011 года, что явно было продиктовано в том числе стремлением компенсировать повышение страховых взносов. И этого удалось добиться. Не только в начале года, но и в течение трех кварталов удельный расход заработной платы снижался, в том числе с добавлением прироста этих взносов. Однако цены производителей, хотя и продолжали расти, но постепенно снижающимися темпами вследствие, видимо, недостаточной уверенности предприятий в стабильности увеличения спроса. Продолжить снижение удельной заработной платы, включающей дополнительные взносы, в IV квартале уже не удалось. Если рассматривать более длительный период, то по абсолютному уровню удельная заработная плата в 2011 году была выше, чем в 2005 году, на 9,5%, а с учетом прироста страховых взносов — на 16,4%.

Эта картина не дает возможности оценить усилия предприятий, направленные на экономию издержек производства, в том числе за счет

сдерживания роста заработной платы. Но она показывает, что экономическое давление на активизацию усилий по экономии в 2011 году возросло как по линии ограничений спроса на продукцию, тормозящих увеличение цен, так и по линии дополнительных страховых взносов. Данные факторы сохраняются, о чем свидетельствует некоторое абсолютное снижение (на 0,3%) цен производителей промышленной продукции в январе 2012 года и умеренный их рост в феврале (на 1,1%), что привело к увеличению за два месяца к декабрю 2011 года на 0,7%, тогда как годом ранее аналогичный показатель был 5,6%. Поэтому в ближайшей перспективе трудно ожидать более высокого темпа роста номинальной заработной платы, чем относительно устойчивый темп на протяжении последних двух лет. Характерно, в частности, что за три квартала 2011 года по народному хозяйству в целом темп роста производительности труда, хотя и был ниже, чем в годы перед кризисом, но впервые не отставал от увеличения средней зарплаты. В дальнейшем ситуация может измениться в связи с последствиями очередного цикла сокращения рождаемости, который в последние годы особенно ощутим в старших классах средней школы и начинает сказываться на числе абитуриентов. Это будет приводить к сокращению занятости, к усилению конкуренции предприятий за квалифицированный персонал и с большой вероятностью — к более высокому росту средних зарплат. Экономить на зарплате придется за счет сокращения численности работников.

Ни шатко ни валко

В целом некоторые особенности динамики ряда экономических сфер, о которых шла речь, в рассматриваемый период можно проследить на графиках, приводимых на рис. 3—5.

Колебательная динамика темпов инвестиций в основной капитал и связанных с ними показателей (рис. 3) — от достаточно скромных в начале года до более высоких в конце с последующим новым падением — типична не только для 2010 и 2011 годов. Особенность этих лет — очень низкие, отрицательные, даже в квартальном разрезе, началь-

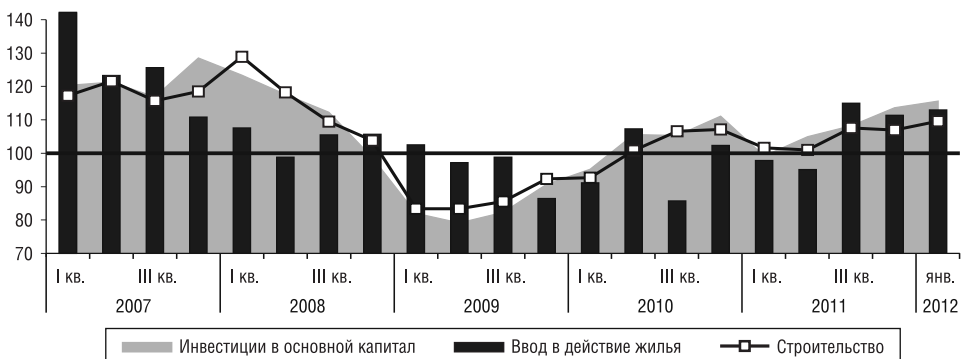

Рис. 3. Динамика показателей инвестиционной активности (в % к соответствующему периоду предыдущего года)

ные и незначительные средние темпы. Интересна динамика показателей, характеризующих потребительский спрос (рис. 4). Они показывают, что в этой области наша экономика пережила за два года некоторое подобие *второй мини-волны кризиса*: спад темпов роста большинства из этих показателей продолжался примерно с середины 2010 по начало — середину 2011 года, а затем произошло некоторое повышение их значений.

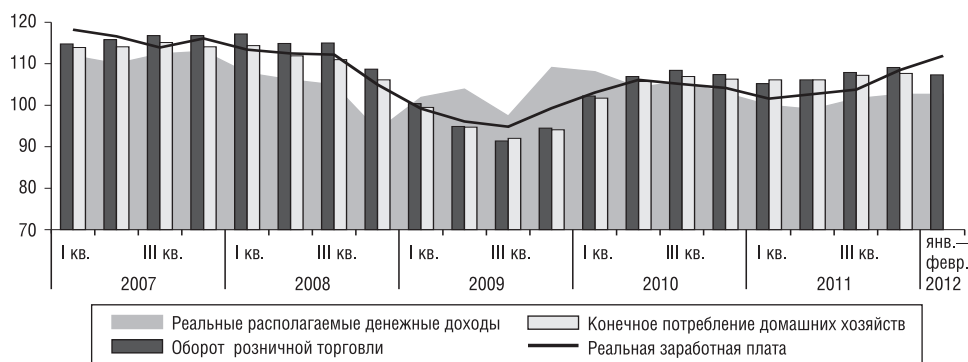

Рис. 4. Динамика показателей потребительского спроса (в % к соответствующему периоду предыдущего года)

Наконец, в области промышленности и обрабатывающих производств (рис. 5) после восстановительного подъема наблюдалось относительно устойчивое снижение темпов роста. Все эти тенденции свидетельствуют о том, что сложившийся в процессе выхода из кризиса режим экономического развития характеризуется серьезной неуверенностью, неустойчивостью, что экономика за большую часть прошедших двух лет не нашла точки опоры, особенно инвестиционной, для последовательного развития и использования заложенных в ней возможностей.

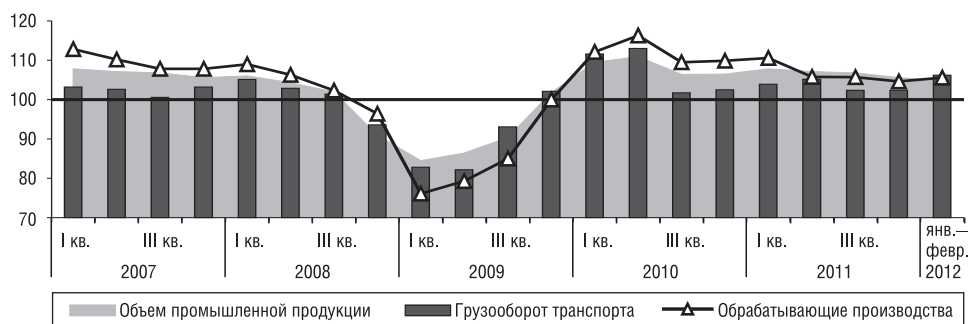

Рис. 5. Динамика показателей состояния различных сфер экономической деятельности (в % к соответствующему периоду предыдущего года)

На протяжении двух последних лет внешнеторговый оборот продолжал расти высокими темпами, достигшими в 2011 году 30,2% при 31,1% в 2010 году. Близкими были за эти два года темпы как экспорта, так и импорта: экспорта соответственно 30,4 и 32, а импорта — 29,9 и 29,7%. Стоимостной объем и экспорта, и импорта превысил показатели всех

предшествующих лет. Однако внутригодовая динамика была довольно нестабильной. Относительно равномерно нарастал экспорт. Только в самом начале 2011 года темпы были ниже. Но вся эта динамика *целиком определялась ростом цен* на российские продукты сырьевого экспорта. *Физический объем экспорта снизился* за 2011 год на 2,2%, а за счет цен было получено 32,9% прироста экспортных поступлений. Это лишний раз демонстрирует меру подчиненности внешней торговли и всей российской экономики, будь то государственный бюджет или функционирование фондового рынка, ценовой конъюнктуры на мировом рынке. Такого увеличения цен в нормальном случае в дальнейшем ожидать не приходится, так что в ближайшие годы наиболее вероятным сценарием представляется снижение темпов роста экспорта. Прирост же импорта более чем на две трети определялся увеличением его физического объема. Причем со второго полугодия произошло практически двукратное сокращение его темпов. Если в первом полугодии его прирост составил 42,6%, то в III квартале — 24,1, а в IV — 18%. Соответственно существенное опережение темпов роста импорта над экспортом в первом полугодии сменилось противоположным соотношением во втором. Положительное сальдо торгового баланса также достигло самого высокого уровня в нашей истории и составило 198,8 млрд долл., превысив уровень 2010 года на 31,1%, а 2008 года — на 10,6%.

В 2011 году *впервые за весь период перехода к рынку удалось снизить инфляцию до 6,1%* (декабрь к декабрю) против 8,8% в 2010 году. При этом в начале 2011 года ее темп был выше, чем в предыдущем, что сказалось на противоположных результатах в среднегодовом исчислении: соответственно 8,4 и 6,9%. Основное замедление роста цен произошло в середине и во второй половине года, главным образом за счет продуктов питания в связи с хорошим урожаем сельхозпродукции. Повлиял на это также и более медленный прирост в это время денежной массы. Важно обеспечить дальнейшее снижение инфляции как предпосылку нормализации процентов за кредит, расширения доступности кредитов, в том числе для инвестиций, улучшения в целом макроэкономических условий хозяйственной деятельности. Но опыт показывает, что очень трудно бывает удержаться даже на завоеванных рубежах. Начало 2012 года отличалось очень низким по традиционным меркам ростом потребительских цен: за три месяца на 1,5% к декабрю 2011 года, тогда как годом раньше он составлял 3,9%. Но это определяется предвыборным переносом удорожания продукции и услуг естественных монополий, определяющих рост цен на услуги ЖКХ, с января на июль. Так что пока трудно судить, как сложится ситуация к концу года.

В предвыборные годы *существенно возросли риски, заложенные в российский государственный бюджет*. Внешне результаты выполнения бюджета в 2011 году выглядят благополучно. Профицит федерального бюджета составил 0,8%. Но он показывает, что даже *при самой высокой и резко подскочившей среднегодовой цене нефти едва удалось свести концы с концами*. Около половины доходов относятся к нефте-

газовым, зависящим от конъюнктуры мировых цен. Без их учета *нефтегазовый дефицит составляет 9,4%*. Это — исключительно высокая величина, характеризующая меру опасности в случае падения мировых цен. В разгар кризиса она была еще более значительной, достигая в 2009 году 13,7%, тогда как в 2008 году — 6,8%, а в предшествующие годы экономического роста ее максимум в 3,8% наблюдался в 2002 году. За два первых месяца 2012 года федеральный бюджет был сведен с дефицитом в 3%, а нефтегазовый дефицит достиг 15,7%.

Период ответственной финансовой политики пришелся у нас на 2004—2006 годы, когда доля расходов федерального бюджета в ВВП колебалась вокруг 16%. Это позволяло накапливать средства в Стабилизационном фонде, разделенном потом на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, что сыграло принципиальную роль в облегчении последствий разразившегося в 2008 году кризиса. В 2007 году, перед самым кризисом, расходы были увеличены и превысили 18%. В период кризиса при падении ВВП они, естественно, выросли еще больше. Но в 2011 году, когда предкризисный уровень ВВП уже был достигнут, на них пришлось 20,1% ВВП — при доходах в 20,9%, тогда как за три года, предшествовавших кризису, доходы составляли порядка 23,5% ВВП. В таких условиях нет возможности на системной основе накапливать необходимые резервы и заранее создавать хоть какую-то весомую защиту на случай неизбежного очередного падения цен. При этом в ближайшие годы не только не намечается ограничения расходов, но планируется их дальнейший рост — до 21,6% в нынешнем году, 21,2% в 2013 году, и только в 2014 году они должны вернуться по отношению к ВВП на изначально высокий уровень 2011 года. Бюджет сверстан исходя из уровня мировых цен на нефть в 100 долл. за баррель, что ставит под удар его сбалансированность даже при их не очень значительном снижении. Отмена в условиях кризиса жестких правил распределения нефтегазовых доходов, предусматривающих обязательное накопление определенной их части в фондах, не расходуемых на текущие нужды, а обеспечивающих будущее, была естественной. Но потеря здравого смысла в наращивании государственных расходов отодвигает восстановление подобных правил на неопределенный срок¹⁰. В итоге под влиянием увеличения расходов *в современном государственном бюджете заложена наиболее взрывоопасная мина замедленного действия под стабильность дальнейшего развития страны*. Получается, что бюджетная политика строится на принципе «авось пронесет», что никак соответствует принципам ответственной государственной политики.

Важным индикатором, так сказать, самочувствия экономики является поведение *финансовых рынков*. Оно показывало смену тенденций, отсутствие уверенности и твердой почвы под ногами. Тем более что эти рынки

¹⁰ Министр финансов РФ А. Силуанов сообщил о подготовке новых правил, но не уточнил, когда они могут быть приняты (см.: Известия. 2012. 7 марта. С. 5). Пока же дополнительные поступления в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния могут определяться лишь в ручном режиме, а также в зависимости от пересчетов, связанных с изменением курсов валют.

болезненно реагируют не только на внутренние, но и на международные события. Колебания курса рубля на валютном рынке, а также курсов акций на рынках ММВБ и РТС происходили во многом синхронно и в заметной взаимосвязи с динамикой мировых цен на нефть. Годового максимума эти цены достигли в апреле, на это же время приходится пик индексов ММВБ и РТС, а для периода с марта по июль характерно наибольшее укрепление рубля по отношению к доллару. С апреля по июль при слабых колебаниях наблюдалось небольшое снижение указанных фондовых индексов, такая же тенденция преобладала в динамике цен на нефть. Более резкие падения индексов акций и девальвация рубля произошли в августе и сентябре под влиянием преимущественно ухудшения рейтинга США и дальнейшего обострения ситуации в Греции. Цена на нефть колебалась при этом незначительно с небольшим преобладанием снижения. В дальнейшем траектории всех трех процессов уже незначительно отклонялись от сентябрьских значений. В итоге к концу года индексы ММВБ и РТС были ниже, чем в начале, вернувшись примерно к уровню сентября 2010 года. Реальный эффективный курс рубля укрепился за год в среднегодовом исчислении на 4,7%, то есть вдвое меньше, чем годом ранее (9,6%). По отношению к декабрю 2010 года в июле укрепление достигло 8,8%, затем к октябрю упало почти до нуля, далее — вновь возобновилось и к концу 2011 года составило 3,9%. Укрепление реального курса рубля по отношению к доллару (который важен в том числе для оценки операций на фондовом рынке) достигло в июле по сравнению с декабрем 2010 года 12,6%, а затем к концу года почти сошло на нет. В среднегодовом исчислении оно составило 8,8%. Относительно непродолжительный период девальвации рубля не успел вызвать заметной реакции экономики, хотя, судя по всему, дополнительно сказался на снижении темпов роста импорта. Девальвация началась в августе, а в сентябре увеличение импорта по отношению к тому же периоду предыдущего года составило 16,2%, тогда как в августе — 26,3, в июле — 30,3, а во II квартале — 42,7%. Возможно девальвация рубля отразилась также на уменьшении во втором полугодии склонности к накоплению дешевеющих рублей, что способствовало росту товарооборота. Так, если в июле доля расходов на покупку товаров и услуг составляла, как и во II квартале, 72,8%, то в августе она поднялась до 78,2% и удерживалась на близком уровне до декабря. В свою очередь, на покупку валюты направлялось в первом полугодии 3,9% расходов, в июле — 4,3%, в августе же — 5% и дальше до декабря эти расходы оставались на повышенном уровне, характерном и для начала 2012 года после новогодних праздников.

Как известно, в условиях массивированного поступления валюты от экспорта углеводородов Банк России многие годы перед кризисом разрывался между стремлением, с одной стороны, тормозить инфляцию, а с другой — не допускать существенного укрепления курса рубля, снижающего эффективность экспорта и усиливающего конкурентные позиции импорта по сравнению с отечественным производством. Для противодействия укреплению рубля ЦБ скупал часть валюты на валютном рынке,

увеличивая золотовалютные резервы и эмитируя рубли, что усиливало давление на рост инфляции. В последнее время Банк России старается положить в основу своей политики подавление инфляции, вводя так называемое ее таргетирование, что предполагает отказ от интервенций на валютном рынке или существенное их ограничение. В 2011 году это облегчалось тем, что некоторая девальвация рубля во второй половине года, о которой шла речь выше, происходила под влиянием рыночных факторов, без особого вмешательства ЦБ. От Банка России не требовалось скупать валюту в крупных размерах, поскольку в платежном балансе большое положительное сальдо счета по текущим операциям соседствует со значительным отрицательным сальдо счета капитала, определяемым оттоком капитала из страны. С этим оттоком уходит и существенная часть валюты, присутствие которой на рынке вызвало бы ее избыточное предложение и более значительное укрепление рубля. *Золотовалютные резервы* составляли на 1 января 2011 года 473,4 млрд долл. и увеличивались, достигнув на начало сентября 545 млрд. Затем произошло их снижение, и к началу 2012 года они опустились до 498,6 млрд долл., превысив исходный уровень на 5%. Их динамика в немалой степени определялась пересчетами, связанными с изменениями валютных курсов.

В 2011 году *продолжился и ускорился рост совокупного внешнего долга страны*. После некоторого снижения в период кризиса в 2010 году возобновился незначительный рост, который стал более интенсивным в 2011 году и достиг 10,3%. Причем в этом году *общая сумма долга превысила предкризисный уровень. Прирост был целиком обеспечен за счет долга частного сектора* — как корпоративного, так и банковского. Стоит напомнить, что высокий частный внешний долг стал одним из основных факторов острого характера кризиса, который испытала недавно наша страна. В годы, предшествовавшие кризису, многие крупные фирмы и банки активно привлекали более дешевые и без большого труда получаемые в условиях роста сырьевых цен внешние кредиты, в том числе для погашения прежних ссуд. Потеря в начале кризиса такой возможности поставила эти экономические структуры в исключительно тяжелое финансовое положение, во многом парализовав их деятельность. При этом немалая часть заемщиков состояла если не чисто из государственных, то из квазигосударственных экономических субъектов, поэтому на Западе отношение к их долгу было таким же, как к государственному, возврат и обслуживание которого являются практически гарантированными. Такое представление было недалеко от истины, поскольку с началом кризиса значительная часть государственной бюджетной поддержки была брошена на спасение крупных российских должников. Возобновление роста частного внешнего долга в условиях, когда возможности получения зарубежных кредитов в значительно большей мере, чем до кризиса, ограничены, требует специального внимания и, возможно, регулирования со стороны государства.

В минувшем году *произошла активизация банковского кредитования, которая сопровождалась усилением разбалансированности бан-*

ковской системы. В 2010 и в 2011 годах некоторые принципиальные процессы в банковской сфере развивались в противоположных направлениях. В период кризиса, как известно, особую роль в спасении банковской системы играли государственные вливания. Но наряду с ними усилилась, как отмечалось, склонность населения к сбережениям. Нарастание вкладов населения существенно опережало прирост потребительских кредитов, что, в свою очередь, способствовало укреплению ресурсной базы банков. Следствием становились значительные суммы избыточной ликвидности, не вовлеченные в текущий оборот, а преимущественно «пролеживающие» на депозитах в ЦБ или вложенные в его облигации. Возникла неплохая стартовая площадка для дальнейшего сбалансированного развития банковской системы в процессе выхода экономики из кризиса.

Однако использовать эти возможности не удалось. Кредитование небанковского сектора стало идти более интенсивно, чем наращивание депозитной базы. Темпы роста кредитов предприятиям и населению более чем удвоились. Если в 2010 году первые выросли на 12,8, а вторые — на 14,3%, то в 2011 году их приросты составили соответственно 26,6 и 35,9%. А увеличение депозитов как источника средств, обеспечивающих эти кредиты, не поспевало за ростом кредитования и составило по корпоративному сектору и населению 23%. В 2011 году прирост вкладов населения был лишь на 300 млрд руб. выше объемов потребительских кредитов — против 1,9 трлн руб. в 2010 году. Кредиты же предприятиям на 900 млрд руб. превысили прирост корпоративных депозитов. Существенно изменились и взаимоотношения банковского сектора с внешним миром. Если в 2010 году наблюдался чистый приток капитала в этот сектор в сумме 15,6 млрд долл., то в 2011 году он сменился чистым оттоком в 26,2 млрд долл. (около 740 млрд руб.). Таким образом, суммарное превышение прироста кредитов предприятиям и населению над увеличением их депозитов в совокупности с оттоком банковских средств за рубеж составило около 1,3 млрд руб., что не только рассосало избыточную ликвидность, но и привело к ее дефициту. Пропорциональность в банковской системе была вновь нарушена. Пришлось государству восполнять нехватку источников столь интенсивного нарастания кредитов через рефинансирование по линии Банка России и проведение аукционов на размещение в банках средств Минфина РФ.

По оценке Центра развития Высшей школы экономики, проводящего расчеты Индекса общей разбалансированности банковской системы, величина этого индекса неуклонно росла со второй половины 2011 года и к концу его, а также в январе 2012 года приблизилась к значениям периода перед началом кризиса 2008 года. Это не свидетельствует пока о неизбежности скорого повторения кризиса, но дает представление о мере напряженности в банковской системе¹¹. В свою очередь, О. Солнцев,

¹¹ *Мирошниченко Д.* Банки: статистика & экономика / НИУ ВШЭ. Центр развития. 2012. Февраль. С. 4.

руководитель направления анализа денежно-кредитной политики и банковской системы Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), считает, что эти процессы являются типичными стадиями регулярно повторяющегося в банковской сфере цикла после наступления системного кризиса. Он тоже отмечает более раннее появление признаков той стадии этого цикла, когда банковская система особенно уязвима в случае возникновения внешних шоков, но показывает, что в полной мере эта стадия еще не наступила, и не видит в ближайшее время угрозы острых кризисных явлений¹².

При нестабильности в рассматриваемый период многих экономических процессов как минимум один из них отличался как *устойчивостью*, так и *масштабностью*. Это — *чистый отток капитала из страны*. Он составил *80,5 млрд долл.*, отставая только от рекордного уровня кризисного 2008 года, когда достигал 133,7 млрд. По сравнению с 2010 годом (33,6 млрд долл.) увеличение достигло 2,4 раз. Отток происходил в течение всех месяцев, кроме одного, и продолжился в начале 2012 года, составив в I квартале, по оценке ЦБ, 35,1 млрд долл. против 19,8 млрд в I квартале и 35 млрд в IV квартале 2011 года. Это явление определяется причинами разного порядка, в том числе естественными: такими как возвращение полученных ранее зарубежных кредитов, отток капиталов с развивающихся рынков при обострении любой экономической и политической нестабильности в различных регионах мира, которого, к сожалению, хватает, покупкой российскими предпринимателями бизнеса за рубежом и т. п. Но, по оценке ИЭП им. Е. Т. Гайдара, около половины годовой суммы оттока приходится на так называемое бегство капитала, которое обычно вызывается неблагоприятными условиями для приложения его внутри страны. *По итогам 2011 года бегство составило 42,6 млрд долл., или на 9 млрд долл. больше, чем не только бегство, но и весь отток в 2010 году*¹³. Такие масштабы свидетельствуют о том, что бегство капитала является *одной из наиболее неблагоприятных особенностей* сложившегося в рассматриваемый период режима функционирования экономики, отражающей не просто опасности, исходящие извне, а серьезное неблагополучие внутри страны.

Опять двадцать пять

Основной внутренний тормоз на пути использования реальных возможностей нашей экономики сейчас почти общепризнан: это *неблагоприятный для бизнеса институциональный, предпринимательский климат*. Многочисленные оценки институциональной среды, давае-

¹² Солнцев О. Кризис откладывается: снижение банковской ликвидности в ближайшие месяцы не приведет к новому витку кризиса в России // Эксперт. 2011. 13 сент. expert.ru/2011/09/13/bankovskaya-likvidnost/.

¹³ Бегство капитала рассчитывается в ИЭП по методологии МВФ и представляет собой сумму «торговых кредитов и авансов», «своевременно не полученной экспортной выручки и не поступивших товаров и услуг в счет переводов денежных средств по импортным контрактам» и «чистых ошибок и пропусков».

мые различными международными организациями, профессиональными агентствами и центрами, показывают критическое отставание России на фоне подавляющего большинства остальных стран мира. В 2011 году положение не стало лучше, а по многим оценкам — ухудшилось. Интересны в этом отношении, в частности, результаты построения аудиторской компанией ФБК сводного индекса — индекса прогресса, — обобщающего данные семи всемирно известных рейтингов авторитетных агентств. Обобщение показывает, что в 2010—2011 годах страна потеряла в сравнении с 2006 годом в рейтинге по индексу качества жизни 40 позиций, по индексу восприятия коррупции — 33, по индексу условий ведения бизнеса — 26, по индексу экономической свободы *Heritage Foundation* и *Wall Street Journal* — 14 позиций. Улучшение произошло лишь по индексу конкурентоспособности — на одну позицию, по индексу развития человеческого потенциала — на три, по индексу экономически свободных стран японского Института Като — на 12 позиций. В итоге Россия заняла лишь 97 место из 101 стран.

С точки зрения намечаемых перспектив наиболее радикальным стало заявление тогда еще кандидата в Президенты РФ В. Путина в выступлении на инвестиционном форуме «Россия—2012» 2 февраля 2012 года. Он говорил о задаче сделать 100 шагов вперед — подняться со 120-го на 20 место по уровню и по условиям ведения бизнеса. Чтобы сроки подключения к сетям энергоснабжения сократились в четыре раза, заполнение налоговой отчетности занимало в три раза меньше времени, пересечение грузами границы — в семь раз, а получение разрешения на строительство проходило в пять раз быстрее и требовало в три раза меньше бумаг.

Главное состоит в том, что эта задача в основе своей решаема. Опыт отдельных стран, проводивших энергичную, целенаправленную и последовательную работу в этой области, показывает возможность в течение семи—девяти лет добиться принципиального прогресса. Не столь даже существенно, удастся ли России войти в двадцатку или в тридцатку передовых стран, важно достичь не менее чем *среднемирового уровня* делового климата, характерного, естественно, для развитого мира.

Остается лишь традиционный вопрос — хватит ли для этого политической воли. Отметим в этой связи только две из многих проблем.

Во-первых, перечисленные выше процедуры, которые можно и необходимо существенно упростить и ускорить, являются, так сказать, особо коррупционнымкими. Можно представить, какое они встретят сопротивление и стремление свести все к имитации. Поэтому поставленные цели достижимы лишь при условии масштабной и результативной деятельности, обеспечивающей не просто борьбу с коррупцией, а реальное, значимое ее сокращение. Здесь актуален подход Ильи Ильфа, который призывал не бороться за чистоту улиц, а подметать. Но в условиях, когда Россия ратифицировала Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC) без

20-й статьи, посвященной незаконному обогащению¹⁴, когда Президент Д. Медведев, внося предложения о контроле над крупными расходами госслужащих, не видел необходимости в обязательных декларациях о таких расходах, а полагался на требования о предоставлении таких деклараций со стороны «честных» начальников, подозревающих своих подчиненных, когда подготовка Национальной стратегии и Национального плана противодействия коррупции проводилась с опорой на тот же погрязший в коррупции государственный аппарат, рассчитывать на реальные радикальные действия по преодолению ее как минимум трудно. Тем более что сложившийся подход имеет глубокую внутреннюю логику. По своей социально-политической сути сформированный у нас режим есть режим победившей коррумпированной бюрократии. На ней, собственно, и держится вся так называемая вертикаль. В этих условиях логично ожидать, что вероятность стремления вернуться к имитационным мерам, которые и проще, и привычнее, и безопаснее, будет асимптотически приближаться к единице.

Во-вторых, задача сделать 100 шагов вперед поставлена только в отношении одной из сфер, влияющих на деловой климат. Ее характеристики охватываются индексом условий ведения бизнеса (*doing business*) Всемирного банка. Это исключительно важная сфера в контексте конкретных барьеров на пути нормальной деятельности предпринимателей и позволяющая выразить результаты противодействия им в конкретных показателях. Но это не единственная из ключевых сфер. Поэтому при отсутствии системности даже тот или иной прогресс в осуществлении шагов в одном лишь этом направлении не гарантирует заметных изменений в поведении предпринимателей. Среди ключевых сфер, определяющих состояние институциональной среды, особая роль принадлежит отношениям доверия бизнеса к власти, и даже более широко — общества к власти. Ведь очевидно, что массовые выступления против фальсификации выборов отражают отношение не только к выборам. Проблема глубже. Активная, самостоятельная, независимая часть общества показала, что не собирается дальше мириться с любыми формами манипулирования и имитаций, будь то имитация демократии, свободы СМИ, честных выборов, борьбы с коррупцией, независимости судов и т. д. Завоевание доверия зависит, таким образом, от перестройки исключительно широкого круга весьма запущенных отношений. А без доверия меры в остальных сферах предпринимательского климата может постигнуть известная участь, уготованная благим намерением.

Существует, правда, мнение, что предпринимательский климат оказывает не столь уж заметное влияние на развитие экономики. Мол, в годы

¹⁴ Статья 20. Незаконное обогащение. При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, которое превышает его законные доходы и которое оно не может разумным образом обосновать. См.: exp43.ru/index.php/reshenia/normativnaya-baza/65-anti-corrupct.

перед кризисом этот климат был не лучше, чем сейчас, а экономика демонстрировала впечатляющую динамику. И это действительно так, если видеть только то, что принято называть поверхностью явлений, и не стремиться смотреть вглубь. При всех обстоятельствах ситуация требует объяснения. Она лишней раз показывает, что в столь сложных системах, как экономика, в определенных условиях развитие происходит не только благодаря достаточно очевидным обстоятельствам, но и вопреки им.

В первые годы после завершения трансформационного кризиса постепенно складывались условия для улучшения делового климата по разным направлениям, в том числе по линии облегчения налоговой нагрузки. Существенное ухудшение доверия бизнеса к власти наступило после ареста в 2003 году М. Ходорковского и примененных методов отъема его собственности. При этом проявился целый ряд отрицательных экономических последствий, обусловленных реакцией бизнеса. Наиболее наглядны: исключительный случай прямого падения в течение двух лет инвестиций в нефтяной сектор экономики, падение в 2005 году темпов прироста добычи нефти, которое было вызвано не только исчерпанием запасов (по оценкам, 2,5% снижения общей добычи к предыдущему году определялось ухудшением деятельности структур, ранее входивших в ЮКОС), застой в течение двух лет в динамике рынка акций, а также в объеме поступления в страну прямых иностранных инвестиций. Затем действительно наступил перелом в лучшую сторону. И причина его достаточно очевидна — интенсивный рост пресловутых нефтяных и иных сырьевых цен на товары российского экспорта. Капитал не был бы капиталом, если бы не попытался использовать такую ситуацию для получения навару. Тем более что инфляция и определяемые ею ставки банковских процентов, а также доходность других экономических инструментов в России оставалась на весьма высоком по мировым меркам уровне, что не только стимулировало приток иностранного, в том числе спекулятивного, капитала, но и позволяло активно применять практику *carry trade*, когда банки могут привлекать за рубежом кредиты по низким процентам и использовать их для кредитования внутри страны по более высоким, а крупные фирмы — получать на Западе более дешевые кредиты, чем внутри страны.

Однако разъедающее влияние недостатков делового климата сказывалось на развитии страны и в период высокой предкризисной динамики. Сказывалось прежде всего на качестве экономических процессов. Отсутствовали сдвиги в преодолении сырьевой зависимости, сохранялось устойчивое отставание в сфере инноваций и малого бизнеса. В этом нет ничего удивительного. Как не раз отмечалось в статьях по итогам предшествующих лет, недостаток доверия и неуверенность в будущем стали одними из наиболее значимых причин инертности бизнеса в инновационной сфере. Более того, ситуация с ЮКОСом дала пример для подражания и на других уровнях. Не единичны случаи, когда представители достаточно крупного бизнеса лишались собственности из-за налоговых претензий, в том числе с на-

рушением сроков давности, то есть с нарушением закона, на что суды спокойно закрывали глаза. Встречаются и явления прямого рэкета, за спиной которого стоят иногда представители силовых структур. От этого страдают все виды бизнеса, в том числе и малое предпринимательство. В таких условиях не удивительно, что подлинно частный, не аффилированный с государством, бизнес начинает опасаться работать успешно. Нетрудно представить, как это сказывается на деловом климате, доверии, развитии экономики. А от масштабов распространения малого бизнеса зависит и решение еще одной ключевой проблемы, определяющей неблагополучие нашего предпринимательского климата, — формирования конкурентной среды.

В условиях же кризиса, выхода из него, а также во всех случаях, когда ослабляется влияние на российскую экономику конъюнктурных внешних факторов, все недостатки институциональной среды, в том числе отношений доверия, становятся особенно очевидными и наглядно раскрывают свою реальную роль в торможении экономики. В 2011 году к числу таких институциональных тормозов добавилось отмеченное выше повышение страховых взносов, оказавшее дополнительное отрицательное воздействие на доверие бизнеса к устойчивости и надежности налоговой системы — и к «правилам игры» в целом.

В итоге дальнейшее развитие ситуации в области делового климата будет зависеть от двух основных факторов. С одной стороны, вероятная некомплексность и склонность к имитационному подходу будут противодействовать необходимости его радикального обновления. С другой — уже сложилась и будет развиваться новая социально-политическая ситуация, которая усиливает общественное давление, стимулирующее полноценную реализацию назревших мер по реформированию институциональной среды.

Но насколько оправданно говорить о новой социально-политической ситуации лишь на примере, возможно, уже затухающего открытого протестного движения против фальсификаций в ходе избирательных кампаний? Тем более что итоги президентских выборов при всеобщей фальсификации оспорить нереалистично. Накал же видимого протеста, как не раз бывало в истории, может угасать. Не случайно и сейчас в СМИ достаточно желающих убедить себя и окружающих в том, что это движение, не имеющее очевидных лидеров и единой программы, себя изжило и его можно спокойно списывать со счетов. Но, похоже, и власть понимает, что латентный, не выплескиваемый наружу протест может быть опаснее открытого. Он набирает энергию. И никто не в состоянии предвидеть, когда, как, с какой силой и с какими последствиями эта энергия прорвется, если не решать практически и во всем реальном комплексе проблемы, от которых зависит будущее страны. Бесперспективны и попытки ослабить протест псевдоактивностью: люди прекрасно видят различия между парадной, наполненной правильными словами, скрывающей стремление засуетить, заболтать вопросы назревших реформ шумихой, с которой наверняка придется

столкнуться, и осуществлением полноценных преобразований. Эти обстоятельства и определяют действие внутренней социальной пружины, стимулирующей переход от имитационных мер к действенным.

Обращает, в частности, на себя внимание заседание рабочей группы по формированию системы «Открытое правительство», посвященное преодолению коррупции, которое было проведено Президентом Д. Медведевым 22 марта 2012 года¹⁵. Впечатления противоречивые. С одной стороны, в нем активно участвовали эксперты, которых никак не заподозрить в стремлении создавать видимость деятельности. С другой, весьма показательным представляется такой, например, факт: когда некоторые из экспертов завели речь о создании независимого органа по мониторингу и организации этой деятельности, ведущий предложил подчинить данный орган Генпрокуратуре. Представляется очевидным, что смысл инициативы в этом случае автоматически сводится на нет. Будущее покажет, привлечены ли эксперты, действительно способные на независимые суждения, для камуфляжа, и тогда их участие в работе не сможет продолжаться долго, или это сигнал, говорящий о чем-то более серьезном. В целом же солидную основу политики на среднесрочную перспективу закладывает разработанная экспертным сообществом «Стратегия—2020», так же как в свое время была подготовлена, но не реализована в той мере, что могла бы повлиять на результаты развития так называемая Программа Грефа, многие положения которой и по сей день сохраняют высокую актуальность.

Что дальше?

Чего же можно ожидать от нашей экономики с ближайшее время? В этом отношении интересны и в определенной мере парадоксальны итоги января 2012 года, при всей ненадежности этого месяца, насчитывающего 16 рабочих дней, для оценок и выводов. Данные статистики о динамике по отношению к январю 2011 года как бы закрепляют тенденции, сложившиеся во втором полугодии, в том числе в IV квартале 2011 года (табл. 1). Темпы роста промышленности и обрабатывающих видов деятельности остаются невысокими, соответствуя уровню IV квартала. Преодолен наконец характерный для двух предшествующих лет спад объемов инвестиций в основной капитал. Конечно, темп в 15,6% отражает исключительно низкую базу и вряд ли повторится в ближайшие месяцы. Но в течение года он обычно нарастает, и при прочих равных условиях в конечном счете можно ожидать за год в целом его повышения по сравнению с 2011 годом, причем достаточно заметного. Аналогичная ситуация в строительстве. Темп прироста розничного товарооборота немного отстает от данных второго полугодия 2011 года, но выше, чем в первом полугодии. Увеличение реальных располагаемых доходов населения и реальной начисленной

¹⁵ news.kremlin.ru/news/14828.

заработной платы близко к итогам IV квартала предшествующего года, превышая данные за год в целом. Обращают на себя внимание и высокие темпы роста инвестиционного комплекса промышленности. Они составили к январю предыдущего года по строительным материалам 118,2%, машинам и оборудованию — 142%, электрооборудованию, электронному и оптическому оборудованию — 114,5%, транспортным средствам и оборудованию — 115,6%. Все это вместе взятое дает основания для осторожной надежды на более активное развитие в текущем году спроса, в том числе инвестиционного.

Парадокс, однако, заключается в том, что исключение сезонного фактора при определении динамики не к прошлому году, а от месяца к месяцу приводит по ряду показателей к противоположным выводам. Если по промышленности сохраняется очень слабый рост, то инвестиции в основной капитал снизились, по оценке Минэкономразвития, в январе по сравнению с декабрем 2011 года на 9,9%. Если данные к предыдущему году дают надежду на увеличение в 2012 году роста инвестиций, то при исключении сезонного фактора итог получается обратным. Эксперты ссылаются при этом на ненадежность данных января, в том числе в связи с невозможностью оценить, какая часть занятых продолжает работать в этом месяце на непрерывных и им подобных производствах и т. п. Все это так. Но думается, что сам расчетный метод исключения влияния сезонных факторов не очень подходит для выводов относительно специфики текущей ситуации. Метод основан на сравнении темпа увеличения или уменьшения показателя текущего месяца по отношению к предыдущему с аналогичным усредненным темпом за многие годы, по которым имеется информация. Если текущий темп выше усредненного, учитывающего среднее влияние сезонного фактора за длительный предшествующий период, значит, при исключении этого фактора достигнут рост. Если ниже — произошло падение.

Но, как было отмечено, динамика инвестиций в последние два года, когда начало года сопровождалось их спадом к уровням не только конца, но и начала предыдущего, была нетипичной в сравнении с длительным предшествующим периодом. Поэтому даже рост в январе 2012 года по отношению к январю 2011 года может означать значительное падение к декабрю 2011 года, если сравнивать с многолетним усредненным темпом. Но нас интересует, каких последствий можно ожидать именно с учетом нетипичной специфики последних двух лет, выбивающихся из общего ряда. Свидетельствуют ли итоги января о вероятности преодоления неуверенной динамики этих двух лет, на что можно надеяться, исходя из данных о приросте к предыдущему году? Или нас ждет очередной поворот к падению либо к незначительному росту инвестиций, как можно судить по снижению этого показателя к декабрю при исключении сезонности? С учетом специфики текущей ситуации более показательными представляются данные год к году. Ведь годом ранее в анализе показателей января 2011 года, по оценке того же Минэкономразвития, падение инвестиций в основной капитал

к декабрю, с исключением сезонного и календарного факторов, составляло еще более угрожающую величину — 17,1%. А в итоге перелома вниз не произошло и в целом за год был достигнут рост в 8,3%.

Так что данные за январь 2012 года, при всей их безусловной недостаточности для каких-либо выводов, можно трактовать как вселяющие надежду на постепенный переход экономики к более благоприятной траектории развития, в большей мере ориентированной на инвестиции и близкой по параметрам ко второй половине — концу 2011 года.

Повторим, что речь идет о внутренних факторах развития. Внешние могут внести существенные коррективы в использование этих возможностей. Как известно, Минэкономразвития снизило прогноз роста ВВП на 2012 год с 4 до 3,7%. Логика достаточно понятна. Нет надежды на то, что на динамику ВВП сможет в столь значительной мере, как в 2011 году, повлиять сельское хозяйство, даже при успешных в целом его результатах. Снижен также прогноз по развитию мировой экономики, что, в свою очередь, может отрицательно сказаться на российской экономике — с учетом ее включенности в глобальные процессы. Происходит, судя по всему, насыщение запасами, и их пополнение перестанет играть прежнюю роль в качестве источника роста ВВП. Но при всем этом, если негативное влияние внешних факторов существенно не усилится, а прирост внутреннего спроса будет способен восполнить снижение прироста запасов или их уменьшение, возможны и более высокие результаты. Сложившийся режим функционирования экономики может оказаться переходным к запоздалому нормальному процессу выхода из кризиса и дальнейшего развития народного хозяйства. Тем более что бизнес неоднократно демонстрировал способность более-менее успешно работать не только благодаря хорошим условиям, но и вопреки самым плохим. Хотя и в случае такого перехода, с учетом накопленных противоречий и диспропорций, вряд ли реалистично рассчитывать на устойчивость результатов.

После того как была написана эта характеристика результатов января, появилась статистика по февральским итогам, которая, как видно из табл. 1, в основном подтверждает изложенные выше выводы. Показатели динамики инвестиционного и потребительского спроса сохраняются на уровне IV квартала 2011 года или превышают его. Инвестиции в основной капитал продолжают пока демонстрировать повышенный темп, практически равный январскому. Отмеченное ранее ожидание некоторого снижения этого темпа пока не наступило, но оно произошло применительно к продукции строительства, прирост которой в феврале заметно сократился и совпал с показателем IV квартала прошлого года, но за два месяца был выше: 9,2%. В определенной мере это произошло за счет жилищного строительства: темп роста площади введенных в строй квартир снизился с 121,5% в январе до 105% в феврале, а за два месяца был равен 113,1% — чуть выше, чем показатель IV квартала. Характерно, что чрезвычайное январское падение инвестиций с исключением сезон-

ного фактора сменилось в феврале, по данным Минэкономразвития, позитивной динамикой в 1,2%. При этом в строительстве снижение при очистке от сезонности продолжалось: на 5,1% в январе и на 5,4% в феврале. Сохранялась повышенная динамика отраслей инвестиционного комплекса промышленности. В области потребительского спроса прирост оборота розничной торговли составил к тому же периоду 2010 года 7,7% в феврале и 7,3% за два месяца против 9,6% в IV и 7,6% в III кварталах 2011 года. Реальные располагаемые денежные доходы увеличились на 3,1% в феврале и на 2,6% за два месяца, а средняя реальная заработная плата — соответственно на 13,3 и 11,9% при данных IV квартала предыдущего года 2,6 и 8,5%. Следует, однако, учитывать, что на динамику показателей февраля влияет дополнительный день в високосном году.

Несколько выше, чем раньше, — на 6,5% в феврале — выросло промышленное производство. Это больше, чем темп прироста за весь 2011 год и соответствует данным второго полугодия 2010 года. В итоге за два месяца было получено 5,6%. Но этот более высокий темп определяется, кроме дополнительного дня, и специфическими факторами: более сильными, чем обычно, холодами минувшей зимы, когда средняя температура в феврале опустилась до уровня $-15,1^{\circ}\text{C}$ против $-11,8^{\circ}\text{C}$ в среднем за предыдущие пять лет. Соответственно вслед за некоторым ростом добычи топливно-энергетических полезных ископаемых на 3,7% в феврале против 1,7% в январе существенно увеличился расход топлива и энергии: прирост вида деятельности «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» составил в феврале 6,7%, тогда как в январе наблюдалось снижение на 0,2%. Так что ожидать сохранения достигнутого февральского темпа промышленного роста трудно.

Вместе с тем, выше, чем в январе и чем в IV квартале 2011 года, была динамика обрабатывающих производств: на 6,3% в феврале и на 5,6% за два месяца, причем увеличение темпов почти целиком достигалось за счет инвестиционного комплекса. Так что в целом февраль подкрепляет надежды на сохранение более активной, чем за весь 2011 год, динамики показателей, характеризующих в первую очередь инвестиционный и потребительский спрос.

Но существуют и другие представления. Так, Минэкономразвития снизило в марте прогнозы по росту ВВП в 2012 году дополнительно с 3,7 до 3,4%, по росту инвестиций в основной капитал с 7,8 до 6,6% и увеличило по росту розничного товарооборота, характеризующего потребительский спрос, с 5,5 до 6,3%. Это означает, что некоторые благоприятные результаты начала года рассматриваются как вызванные временно действующими факторами. Среди таких факторов отдельные эксперты называют повышенные предвыборные бюджетные расходы. Они, правда, преимущественно сказываются на потребительском спросе, как, например, увеличение довольствия военнослужащим. В целом же неоднозначность оценок в отношении ближайшего будущего со-

храняется, хотя это не исключает возможности рассмотренного выше более благоприятного сценария. Как говорится, поживем — увидим.

Возникает также вопрос: нельзя ли ожидать — в случае сохранения в течение достаточно продолжительного времени высоких цен на нефть — возврата к повторению пройденного: к относительно высоким — вопреки состоянию институтов — темпам развития экономики, активному росту инвестиций, строительства, торговли, обрабатывающих отраслей промышленности, зарплат и в целом денежных доходов населения? В докризисный период этому во многом способствовал активный рост кредитования, основанный на налаженном перетоке капитала из нефтегазового сектора в другие отрасли и на упомянутой практике *carry trade*, позволявшей широко привлекать иностранные кредиты. Механизм влияния нефтяных цен на разные отрасли экономики анализировался в нашей статье по итогам 2009 года. Там показано, что под влиянием интенсивного кредитования средний рост задолженности корпоративного сектора перед банками с начала 2006 по начало 2009 года составил 331,2%. При этом более высокий темп был характерен для обрабатывающей промышленности — 383,4%, сферы операций с недвижимым имуществом — 406,4%, строительства — 489,8%, а в добыче полезных ископаемых он был заметно ниже, чем в среднем, — 257,7%. Эти данные позволяют увидеть, что нефтяные доходы добывающего комплекса перераспределялись через банковскую систему в пользу отраслей, которые в то время росли наиболее успешно. В период кризиса во многих сферах произошел спад кредитования и соответственно задолженности. При более активном росте кредитов в 2011 году в какой-то мере начинает возобновляться докризисная тенденция. Общий прирост задолженности по кредитам, предоставленным разным видам экономической деятельности, составил в 2011 году около 3,5 трлн руб. Из них 633,5 млрд (или 18,3%) пришлось на обрабатывающие производства, 625,8 млрд (18,1%) — на операции с недвижимостью, 528,7 млрд (15,2%) — на транспорт и связь, 470,7 млрд (13,6%) — на торговлю, 237,2 млрд (6,8%) — на строительство. Эти отрасли аккумулировали около трех четвертей всего прироста задолженности. Увеличение же кредитов добывающим отраслям, где концентрируются экспортные поступления, было совсем незначительным, и задолженность выросла только на 39 млрд руб., составив немногим более 1% общего прироста. Значит, получаемые ими средства от экспорта преимущественно перетекают в другие, названные выше, отрасли. Возможно, эти процессы начнут через какое-то время сказываться на ускорении темпов развития отраслей, в наибольшей мере притягивающих кредит, но по итогам одного года судить еще рано. Однако дальнейшему наращиванию кредитования будут препятствовать отмеченные выше дисбалансы в банковской системе, связанные в первую очередь с отставанием ресурсной базы. Преодолевать их можно, как и перед кризисом, путем привлечения зарубежных источников. В этом отношении обращает на себя внимание увеличение внешнего долга страны по линии банков за 2011 год почти

на 20 млрд долл., или на 14%. Но при нынешнем состоянии западной банковской системы и преобладании закрытости глобальных финансовых рынков для заемщиков из развивающихся стран привлечение внешних средств будет существенно ограничено. С экономической точки зрения выгоды *carry trade* еще сохраняются, поскольку, даже несмотря на снижение в 2011 году, инфляция остается достаточно высокой, равно как и разница между ставками процентов в России и в развитых странах. Но отмеченные ограничения и принятые Банком России меры по регулированию банковской деятельности и денежного обращения препятствуют широкому разворачиванию этой практики. Так что пока даже в случае некоторого оживления спроса и экономической динамики трудно рассчитывать на повторение предкризисной траектории. Хотя в случае реального улучшения предпринимательского климата темпы развития в перспективе могут возрасти существенно.

Однако очень многое будет зависеть от внешних факторов.

2. Внешние условия развития российской экономики — сохранение угроз

На протяжении 2011 года угрозы и риски, связанные с затяжным и неустойчивым выходом из кризиса мировой экономики, не только не ослабевали, но и возрастали. Об этом свидетельствует, в частности, снижение международными организациями прогнозов развития разных регионов мира в начале 2012 года по сравнению с ожиданиями предыдущего года. Так, Всемирный банк в июне 2011 года оценивал темпы роста мировой экономики на 2012 и 2013 годы в 3,6%, но в январе 2012 года снизил прогноз до 2,5% в 2012 и до 3,1% в 2013 году. Для стран с высоким уровнем доходов прогноз на 2012 год снижен соответственно с 2,7 до 1,4% (при этом в странах еврозоны ожидается спад на 0,3%), а на 2013 год — с 2,6 до 2%¹⁶. Международный валютный фонд (МВФ) в январе 2012 года оценил перспективы роста мирового производства на 2012 год в 3,3%, а на 2013 год — в 3,9%, тогда как в сентябре 2011 года рассчитывал соответственно на 4 и 4,5%. Для стран с развитой экономикой соответствующие показатели — 1,2 и 1,9% против прежнего прогноза в 1,9 и 2,4%, а по зоне евро также ожидается в 2012 году падение на 0,5% и в 2013 году — рост на 0,8%, хотя раньше прогнозировался рост на 1,1 и 1,5% соответственно¹⁷. Особенно острые проблемы связаны с затяжным бюджетным и долговым кризисом в Европе (в первую очередь в еврозоне), который продолжает держать в напряжении мировую экономику. В начале июля 2011 года в связи с возникновением необходимости повышения допустимого по закону объема задолженности обострилась ситуация с госдолгом США, хотя в последнее время экономика

¹⁶ См.: Глобальные экономические перспективы: доклад / Всемирный банк. 2012. 18 янв. siteresources.worldbank.org/INTPROSPECTS/Resources/334934-1322593305595/8287139-1326374900917/GEP_January_2012a_FullReport_FINAL.pdf.

¹⁷ См.: www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/update/01/pdf/0112.pdf.

США начинает давать некоторые основания для позитивных надежд. Появились тревожные признаки снижения темпов развития Китая. Все эти проблемы не решаются быстро, они носят долгосрочный характер.

Исключительно благоприятная для российского сырьевого экспорта внешнеэкономическая ценовая конъюнктура в 2011 году определялась как политическими, так и экономическими факторами. Из политических факторов большое влияние имели последствия арабских революций и обострение ситуации вокруг Ирана, включая введение санкций. Из экономических важную роль играло так называемое количественное смягчение денежной политики, проводившееся Федеральной резервной системой (ФРС — центробанком США), и фактически принятое в последнее время на вооружение Европейским центральным банком (ЕЦБ).

Смысл политики количественного смягчения заключается в попытке стимулировать рост экономики путем накачки ее деньгами, увеличения денежной массы в расчете на то, что это в конечном счете приведет к повышению спроса и к расширению кредитования реального сектора экономики. Возрастает также вероятность некоторого обесценения национальной валюты, способствующего повышению ценовой конкурентоспособности отечественного производства. Механизм такого смягчения в США состоял в покупке Федеральной резервной системой государственных казначейских облигаций, что приводило к денежной эмиссии на соответствующую сумму. Первый этап количественного смягчения (QE1) начался в 2009 году и был рассчитан на 1,7 трлн долл. Итогом стало оживление на фондовом рынке (рост индексов до 50—100%) и на сырьевых рынках, но до реального сектора деньги практически не дошли. Второй этап (QE2), предусматривавший выкуп в сумме 600 млрд долл., продолжался с конца 2010 года до конца II квартала 2011 года и сопровождался надеждами на некоторое ускорение роста. В частности, ожидалось, что во II квартале 2011 года ВВП США вырастет до 2,6%. Фактически же темп роста ВВП по отношению к тому же кварталу предыдущего года снижался с 3,1% в IV квартале 2010 года до 2,2% в I квартале 2011 и до 1,6% (вместо 2,6%) — во II квартале. В III квартале он еще немного снизился — до 1,5%, а в IV квартале вернулся к 1,6%. В итоге ФРС не исключила при определенных условиях проведения третьего этапа. Но пока такая политика, осуществляя денежную подпитку банков и финансовых рынков, разнообразностью которых стал рынок нефти, не достигает, во всяком случае в ожидаемые сроки, своей основной цели — оживления экономического роста. Если она и помогает экономике в какой-то мере держаться на плаву, то не влияет на решение наиболее принципиальных и болезненных долгосрочных проблем, связанных с высоким дефицитом государственного бюджета и с чрезмерным уровнем государственного долга. Проводимая Соединенными Штатами Америки политика вызвала большую критику в разных странах, поскольку эмиссия доллара как мировой резервной валюты приводит к накачке деньгами экономики не только США, но

всего мира, что затрудняет проведение жесткой денежной политики теми странами, которые осознают ее необходимость. Повышается также опасность неконтролируемого роста инфляции, прежде всего в США.

Однако и ЕЦБ в конце 2011 года применил вариант аналогичной политики. С мая 2010 по начало 2012 года ЕЦБ практиковал скупку высокодоходных долгов проблемных стран — с тем чтобы, сбивая доходность, облегчить их долговую ситуацию, поскольку повышение доходности государственных облигаций удорожает обслуживание государственного долга. Сначала скупались греческие, затем — итальянские и испанские облигации. Пик покупок пришелся на октябрь—ноябрь 2011 года, всего же за полтора года ЕЦБ приобрел долгов на 219,5 млрд евро. Сами эти долги, естественно, не прощаются странам; смысл этой финансовой операции состоит в снижении расходов на их обслуживание. Показалось, что на какое-то время наступило облегчение. Но на деле острота проблемы сохраняется. Так, в марте 2012 года произошло повышение доходности облигаций Португалии (по десятилетним облигациям на Лондонской фондовой бирже до 13,71%, то есть почти в 2 раза больше показателя в 7%, при превышении которого долг принято считать проблемным). В конце 2011 года ЕЦБ изменил свою политику и перешел к выдаче льготных кредитов европейским коммерческим банкам на три года под исключительно низкий процент в 1% годовых, без лимитов, ограничивающих сумму занимаемых средств, без условий о направлениях их использования и при более широком списке залогов, под которые предоставляются ссуды. В итоге любой банк, функционирующий в зоне евро или имеющий там бизнес, получил возможность привлечь практически неограниченную сумму кредита. Первый аукцион в рамках этой программы прошел в декабре 2011 года, и по его итогам 523 банка одолжили в целом 489 млрд евро, что эквивалентно 645,5 млрд долл. Второй аукцион состоялся в конце февраля 2012 года и позволил 800 банкам занять 530 млрд евро. Это почти вдвое больше, чем подпитка банков в разгар кризиса. Механизм иной, чем в США, и направлен в первую очередь на поддержку банков, но последствия идентичны — значительное увеличение денежной массы в обращении. Это станет дополнительным фактором поддержки высоких мировых цен на топливо и сырье, котировок фондовых рынков. Возрастет опасность надувания новых финансовых пузырей. Банкам также будет выгодно покупать высокодоходные государственные облигации, в расчете получать, хотя и с дополнительным риском, более высокий процент при их погашении государством, что при значительном росте спроса на такие облигации может, в свою очередь, способствовать снижению этой высокой доходности. Но дойдет ли дело до кредитования за счет средств, полученных банками, реального сектора европейской экономики, остается под большим вопросом.

Что же касается третьего этапа количественного смягчения в США (QE3), то 24—25 января 2012 года Федеральный комитет по операциям на открытом рынке (FOMC), входящий в систему ФРС, определил усло-

вия, при которых ФРС сможет пойти на этот шаг. Федеральная резервная система допускает более низкие, чем предполагалось ранее, темпы роста экономики США: в 2012—2014 годах примерно на 0,2—0,5% в год. Инфляция в 2012 году возможна на уровне 1,4—1,7%, в 2013 году — 1,4—2%, в 2014 году — 1,6—2%. Если эти прогнозы оправдаются, QE3 вступит в силу. Между тем МВФ в рамках прогноза развития мировой экономики, скорректированного в сторону снижения, оценивал перспективу роста ВВП США на 2012 год в 1,8% (сохранение темпа 2011 года), а на 2013 год — 2,2%, ООН соответственно — на 1,5 и 2%, ОЭСР на 2012 год — 2%. Все эти оценки выше пессимистичного прогноза ФРС. Более того, ряд ведущих инвестиционных банков повысил прогноз темпа на I квартал 2012 года по сравнению с тем же периодом предыдущего года с 1,2—2% до 2,2—2,8%. В этих условиях возможность введения QE3, скорее всего, как минимум откладывается.

Из регионов мира наиболее сложная ситуация сохраняется в Европейском союзе. Решать проблемы накопленных долгов и сокращать дефициты бюджетов оказалось сложнее, чем могло показаться вначале, даже при создании специального страхового фонда для помощи проблемным странам — Европейского фонда финансовой стабильности¹⁸.

О состоянии бюджетных балансов и масштабах государственного долга ряда регионов мира и стран дают представление табл. 2—3.

Пример Греции, ситуация в которой в 2011 году буквально держала в напряжении рынки всего мира, особенно показателен. Она выделяется среди всех европейских стран по уровню внешнего долга, который составил в этом году, по оценке МВФ, 165,6% ВВП, а в 2012 году увеличится еще — до 189,1%. Острота долговой проблемы определялась также сроками погашения долга и повышенным (по сравнению с нормой) уровнем доходности государственных облигаций. Так, 20 марта 2012 года наступал срок платежей в 14,5 млрд евро, и, только рассчитавшись по ним, страна могла избежать дефолта. Первая программа помощи Греции объемом в 110 млрд евро была одобрена в 2010 году при условии сокращения государственных расходов и бюджетного дефицита. Урезание бюджетных расходов вызвало массовые акции протеста в стране, которые в той или иной форме продолжаются до сих пор. При этом дефицит бюджета в 2011 году, хотя и был ниже, чем в предшествующие три года, оставался по-прежнему очень высоким — 8%. Выполнить обещания по экономии государственных средств Греции не удалось. Выделенных сумм помощи оказалось недостаточно. Вторая программа предусматривает дополнительное предоставление 130 млрд евро до 2014 года. При этом если на подготовку и согласование первой программы ушло около месяца, то вторая продвигалась с июля 2011 года по март 2012 года. Одним из условий было обеспе-

¹⁸ С июля 2012 года временный механизм поддержки проблемных стран — Европейский фонд финансовой стабильности (ЕФФС) — планируется заменить постоянным, получившим название Механизм финансовой стабильности (МФС), кредитный объем которого должен составить 700 млрд евро.

Бюджетный баланс (% к ВВП)

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011 (оценка)	2012 (прогноз)	2013 (прогноз)
Россия (федеральный бюджет)	-3,4	-1,1	1,4	1	1,4	1,7	4,3	7,5	7,4	5,4	4,9	-6,3	-3,5	0,5	-1,4	-1,7
США	0,3	0,7	1,5	-0,6	-4,0	-5	-4,4	-3,3	-2,2	-2,9	-6,7	-13,0	-10,5	-9,5	-8,0	-6,4
Япония	-11,2	-7,4	-7,6	-6,3	-8,0	-7,9	-6,2	-6,7	-1,6	-2,4	-4,7	-10,8	-9,3	-10,1	-10,2	-8,8
Великобритания	-0,1	0,9	3,7	0,6	-2,0	-3,7	-3,6	-3,3	-2,7	-2,8	-4,9	-10,4	-9,9	-8,6	-7,8	-6,5
Евросона	-2,3	-1,4	-0,1	-1,9	-2,6	-3,1	-3,0	-2,6	-1,3	-0,6	-2,2	-6,5	-6,3	-4,3	-3,4	-2,9
Германия	-2,2	-1,5	1,3	-2,8	-3,6	-4,0	-3,8	-3,3	-1,6	0,3	-0,1	-3,2	-4,3	-1,1	-0,7	-0,1
Франция	-2,6	-1,8	-1,5	-1,6	-3,2	-4,1	-3,6	-3,0	-2,3	-2,7	-3,3	-7,6	-7,1	-5,7	-4,8	-4,4
Бельгия	-1,0	-0,7	-0,1	0,4	-0,2	-0,2	-0,4	-2,9	0,1	-0,4	-1,3	-5,9	-4,1	-3,5	-3,4	-3,3
Италия	-3,1	-1,8	-0,9	-3,1	-3,0	-3,5	-3,6	-4,4	-3,3	-1,5	-2,7	-5,3	-4,5	-3,9	-2,8	-2,3
Испания	-3,2	-1,4	-1,0	-0,7	-0,5	-0,2	-0,4	1,0	2,0	1,9	-4,2	-11,2	-9,3	-8,0	-6,8	-6,3
Греция	-3,8	-3,1	-3,7	-4,4	-4,8	-5,7	-7,4	-5,3	-3,9	-5,4	-9,8	-15,5	-10,4	-8,0	-6,9	-5,2
Португалия	-3,5	-2,7	-2,9	-4,3	-2,9	-3,1	-3,4	-5,9	-4,1	-2,8	-3,5	-10,1	-9,1	-5,9	-4,5	-3,0
Ирландия	2,3	2,6	4,8	1,0	-0,3	0,4	1,4	1,7	2,9	0	-7,3	-14,2	-32,0	-10,3	-8,6	-6,8
Словакия	-4,3	-2,3	-3	-5,3	-5,0	-6,2	-5,4	-4,1	-3,6	-1,9	-3,7	-7,3	-7,9	-5,5	-3,8	-3,5
Словения	-5,0	-3,7	-3,7	-5,6	-6,8	-6,6	-2,9	-3,6	-2,6	-0,7	-2,7	-5,8	-4,7	-3,8	-3,7	-3,6
Польша	-5,3	-7,4	-12,3	-6,5	-8,2	-2,8	-2,4	-2,8	-3,2	-1,8	-2,1	-8,0	-7,9	-4,9	-3,8	-3,1
Чехия	-2,4	-3,0	-3,7	-4,0	-2,5	-2,7	-2,2	-1,4	-1,3	0	-0,3	-5,6	-5,3	-6,2	-4,7	-3,8
Венгрия	-7,9	-5,4	-3,0	-4,1	-8,9	-7,2	-6,4	-7,9	-9,4	-5	-3,6	-4,5	-4,3	2,0	-3,6	-3,2
Эстония	-0,7	-3,5	-0,2	-0,1	0,3	1,7	1,6	1,6	2,4	2,5	-2,3	-2,1	0,2	-0,1	-2,3	-1,1
Латвия	0	-3,9	-2,8	-1,9	-2,3	-1,6	-1,0	-0,4	-0,5	-0,3	-7,5	-7,8	-7,8	-4,5	-2,3	-2,0
Литва	-3,0	-2,8	-3,2	-3,6	-1,9	-1,3	-1,5	-0,5	-0,4	-1,0	-3,3	-9,2	-7,1	-5,3	-4,5	-4,1
Бразилия	-7,4	-5,3	-3,4	-2,6	-4,4	-5,2	-2,9	-3,5	-3,5	-2,7	-1,4	-3,1	-2,8	-2,6	-2,4	-2,3
Индия	-7,9	-9,0	-9,9	-10,2	-9,9	-9,3	-7,3	-6,4	-5,3	-4,0	-7,2	-9,7	-8,9	-8,5	-7,9	-7,6
Китай	-2,8	-3,7	-3,3	-2,8	-3	-2,4	-1,5	-1,4	-0,7	0,9	-0,4	-3,1	-2,3	-1,6	-0,8	-0,1

Источники: World Economic Outlook Database / IMF. 2011. September; Fiscal Monitor Update. 2012. January 24; www.imf.org/external/pubs/ft/fm/2012/update/01/fmindex.htm.

Т а б л и ц а 3

Общий государственный долг, оценка МВФ (% к ВВП)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011 (оценка)	2012 (оценка)	2013 (оценка)
<i>Развитые экономики</i>								
США	61,1	62,3	82,0	93,7	99,7	103,5	107,6	110,2
Япония	191,3	187,7	196,2	216,3	219,0	233,4	241,0	246,8
Великобритания	43,1	43,9	52,5	68,4	75,1	80,8	86,6	90,3
Еврозона	68,6	66,4	69,8	79,4	85,3	88,4	91,1	92,5
Германия	67,9	65,0	66,7	74,4	83,2	81,5	81,6	79,8
Франция	64,0	64,2	68,3	79,0	82,4	87,0	90,7	93,1
Бельгия	88,1	84,2	89,6	96,2	96,7	94,6	94,3	93,9
Италия	106,6	103,6	105,8	115,5	118,4	121,4	125,3	126,6
Испания	39,6	36,1	39,9	53,6	60,8	70,1	78,1	84,0
Греция	106,1	105,4	110,7	127,1	142,8	165,6	189,1	187,9
Португалия	63,9	68,3	71,6	83,0	92,9	106,0	111,8	114,9
Ирландия	24,7	24,9	44,4	65,2	94,9	109,3	115,4	118,3
Словакия	30,5	29,6	27,8	35,4	41,8	44,9	46,9	47,1
Словения	26,7	23,4	22,5	35,5	37,3	43,6	47,2	49,2
Чехия	29,4	29,0	30,0	35,4	38,5	41,1	43,2	44,6
Эстония	4,4	3,7	4,6	7,2	6,6	6,0	5,6	5,3
<i>Развивающиеся экономики</i>								
Россия	9,0	8,5	34,7	36,7	40,8	37,8	36,4	35,0
Польша	47,7	45,0	47,1	11,0	11,7	10,5	11,2	12,1
Венгрия	65,7	66,1	72,3	78,4	80,2	56,0	56,4	56,5
Латвия	9,9	7,8	17,1	32,8	39,9	76,1	75,5	75,6
Литва	18,0	16,9	15,6	29,6	38,7	39,6	40,5	43,4
Бразилия	66,7	65,2	63,5	66,9	65,2	66,0	64,6	62,0
Китай	16,2	19,6	17,0	17,7	33,5	26,6	64,2	20,9
Индия	75,4	72,7	74,7	74,3	67,4	65,8	65,3	64,4

Источники: см. табл. 2.

чение договоренности об участии частных инвесторов в программе реструктуризации долга (PSI), предусматривающей списание 53,5% номинала находящихся у них греческих государственных облигаций. Страна должна была в короткие сроки получить на это согласие двух третей частных держателей облигаций, в таком случае на остальных это же условие должно быть распространено независимо от их желания. В итоге, по официальной информации, достигнута договоренность с 85,8% частных инвесторов, что даст возможность стране списать в конечном счете 152 млрд евро из 350 млрд общего долга. В условиях второй программы предоставления помощи предусмотрены также снижение целевого показателя государственного долга к 2020 году до 120,5% ВВП, сокращение к 2015 году 15 тыс. рабочих мест в бюджетном секторе, расходов на здравоохранение до 1,5% ВВП, минимального размера оплаты труда — на 20%, снижение пенсий и ряд других мер.

В целом вторая программа помощи Греции будет обеспечиваться за счет вклада Европейского фонда финансовой стабильности в сумме 109,1 млрд евро (без учета 35,5 млрд евро, уже выделенных на финансирование программы PSI, и с учетом 48 млрд евро, направляемых на рекапитализацию греческих банков, списавших 53,5% номинальной стоимости по гособлигациям) и МВФ в сумме 28 млрд евро (19,8 млрд до конца 2014 года и 8,2 млрд в 2015 году). Принятие этой программы дает определенную передышку, но не дает оснований успокаиваться. Остается естественный вопрос: удастся ли Греции справиться с поставленными условиями и не случится ли повторения провала, постигшего первую программу. Ответить на это сможет только время.

По уровню государственной задолженности в Европе выделяются еще три страны, где долг превышает 100% ВВП: Италия (121,4% в 2011 году), Ирландия (109,3%) и Португалия (106%).

Италия приняла жесткую программу экономии и смогла уже в 2011 году сократить дефицит бюджета до 3,9%, при среднем уровне по Еврозоне — 4,3%. Дальнейшее снижение прогнозируется и в последующие годы. Программа на 2012—2014 годы предусматривает увеличение налога на добавленную стоимость на 2%, введение налога на имущество, сокращение финансирования государственных структур, повышение уровня налогового администрирования и усиление борьбы с налоговыми неплательщиками. В пенсионной сфере будет прекращена индексация пенсий в зависимости от инфляции, увеличен пенсионный возраст на год для мужчин — до 66 лет, а для женщин — до 62 лет, с тем чтобы к 2018 году возраст их выхода на пенсию повысился еще на 4 года и достиг мужского. За счет совокупности этих мер планируется сэкономить 20 млрд евро, а еще 10 млрд получить благодаря экономическому росту страны. Между тем итальянский государственный долг продолжает расти и в январе 2012 года, по сообщению центробанка страны, достиг рекордной величины в 1,935 трлн евро, увеличившись за месяц на 37,9 млрд. Повышаются и расходы по его обслуживанию. Так что говорить о стабилизации ситуации пока преждевременно.

Т а б л и ц а 4

Валовой внутренний продукт (% изменения к соответствующему периоду предыдущего года)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011				2010/ 2008	2011/ 2008
							год	I кв.	II кв.	III кв.		
Россия	6,4	8,2	8,5	5,2	-7,8	4,3	4,3	4,1	3,4	4,8	-3,8	0,3
США	3,1	2,7	1,9	-0,3	-3,5	3,0	1,7	2,2	1,6	1,5	1,6	1,1
Япония	1,3	1,7	2,2	-1	-5,5	4,4	-0,7	-0,3	-1,7	-0,4	-0,6	-2,0
Великобритания	2,1	2,6	3,5	-1,1	-4,4	2,1	0,8	0	2,8	-0,2	0,6	-1,6
Еврозона	1,7	3,3	3,0	0,4	-4,3	1,9	1,4	2,5	1,7	1,3	0,3	-1,1
Германия	0,7	3,7	3,3	1,1	-5,1	3,7	3,0	5,0	3,0	2,6	1,5	1,4
Франция	1,8	2,5	2,3	-0,1	-2,7	1,5	1,7	2,4	1,8	1,4	1,1	0,4
Бельгия	1,7	2,7	2,9	1,0	-2,8	2,3	1,9	3,0	2,1	1,5	1,0	-0,6
Италия	0,9	2,2	1,7	-1,2	-5,5	1,8	0,4	1,1	1,2	0,3	-0,9	1,3
Испания	3,6	4,1	3,5	0,9	-3,7	-0,1	0,7	0,9	1,1	1,1	-0,2	-3,8
Греция	2,3	5,5	3,0	-0,2	-3,3	-3,5	-6,8	-8,0*	-7,3*	-5,0*	-7,5*	-13,0
Португалия	0,8	1,4	2,4	0	-2,9	1,4	-1,6	-0,7	-1,3	-1,9	-1,5	-3,1
Ирландия	5,3	5,3	5,2	-3,0	-7,0	-0,4	0,9	0,4	2,2	0,3	-7,4	-6,5
Словакия	6,7	8,3	11,0	5,9	-4,9	4,2	3,3	3,4	3,5	3,0	3,4	2,4
Словения	4,0	5,8	6,9	3,6	-8,0	1,4	-0,2	2,1	0,7	-0,5	-2,8	-6,9
Польша	3,6	6,2	6,8	5,1	1,6	3,9	4,3	4,1	4,7	4,3	4,3	10,1
Чехия	6,8	7,0	5,7	3,1	-4,7	2,7	1,7	3,1	2,1	1,3	0,3	-0,5
Венгрия	4,0	3,9	0,1	0,9	-6,8	1,3	1,7	2,5	1,5	1,4	1,4	-4,0
Эстония	8,9	10,0	7,5	-3,7	-14,0	2,3	7,6	9,5	8,4	8,5	4,5	-5,7
Латвия	10,1	12,2	10,0	-4,2	-18,0	-0,3	5,5	3,5	5,6	6,6	5,7	-13,7
Литва	7,8	7,8	9,8	2,9	-14,7	1,4	5,9	5,9	6,5	6,7	4,4	-8,4
Бразилия	3,2	4,0	6,1	5,2	-0,6	7,5	2,9	4,2	3,3	2,1	1,4	9,9
Индия	9,3	9,5	10,0	6,2	6,8	8,4	6,9	7,7	6,9	6,1	15,7	23,7
Китай	10,4	12,7	14,2	9,6	9,2	10,4	9,2	9,7	9,1	9,5	8,9	31,6

* Оценка.

Источники: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstat/rostatstat/main/; www.sbrf.ru/common/img/uploaded/analytics/2012/Nge_dnt_2012.pdf; epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/national_accounts/data/main_tables; www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2011/02/weodata/index.aspx; www.ibge.gov.br/english/; mospi.nic.in/Mospi_New/upload/nad_pr_7feb12.pdf; www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20120117_402779577.htm.

В Ирландии повышенная долговая нагрузка сочетается с еще очень высоким дефицитом бюджета (10,3%), но этот дефицит снижен втрое по сравнению с 2010 годом.

В Португалии тоже достигнуто заметное снижение дефицита (с 9,1% ВВП в 2010 до 5,9% в 2011 году), но ситуация с платежами по долгам остается напряженной, и, как отмечалось, произошло новое, хотя и временное, повышение доходности государственных облигаций. В начале апреля 2011 года Португалия обратилась к ЕС и МВФ за финансовой помощью в связи с проблемами в банковской системе и увеличением расходов по обслуживанию долга. В итоге был одобрен пакет помощи в 78 млрд евро. В конце февраля 2012 года в связи с положительной оценкой хода выполнения программы сокращения государственных расходов было одобрено предоставление Португалии в апреле очередного транша в 14,9 млрд евро. В стране продолжается реализация политики жестких мер по повышению налогов и экономии расходов, и она должна снизить дефицит бюджета в текущем году с 5,9 до 4,5%. Некоторые эксперты связывают с последствиями такой политики продолжение спада португальской экономики, который составил в 2011 году 1,6%, а в 2012 году ожидается его увеличение до 3,3%, то есть в большей мере, чем в разгар кризиса в 2009 году.

Помимо отмеченных стран высокий дефицит бюджета сохраняется, несмотря на принятые жесткие меры экономии, в Великобритании (8,6% в 2011 году при государственном долге в 80,8% ВВП) и в Испании (соответственно 8 и 70,1%). В обеих странах в следующие два года прогнозируется дальнейшее снижение дефицита и увеличение долга. При этом прочность испанской экономики уступает английской, и опасность обострений еще не преодолена.

Высокий внешний долг сохраняется во Франции и в Бельгии, причем Франция имеет близкий к Португалии дефицит бюджета. Повышенный и несколько возросший уровень бюджетного дефицита наблюдается в Чехии, хотя в дальнейшем ожидается его сокращение, а долг страны невелик. В целом по странам Еврозоны в 2012 и в 2013 годах ожидается дальнейшее увеличение государственного долга, причем средний уровень его не столь уж значительно ниже 100% ВВП. Средний же уровень дефицитов бюджетов по прогнозу должен снизиться и составить в 2013 году менее 3%, которые были зафиксированы Маастрихтским договором в качестве критерия, позволяющего вступить в Евросоюз. В отношении долговой нагрузки аналогичный критерий составлял, напомним, 60% ВВП.

Долговой кризис в Европе, таким образом, продолжается; не исключены любые сценарии его развития — от «мягкой посадки» до тяжелых обострений с труднопредсказуемыми последствиями. Долговая ситуация заметно сказывается и на динамике самого производства.

Еврозона в 2011 году еще не восстановилась после кризисного спада, причем по кварталам этого года происходило устойчивое снижение темпов роста к аналогичному периоду 2010 года. Падение производ-

ства в 2011 году продолжалось в двух проблемных странах: в Греции на 6,8% и в Португалии на 1,3%. Причем ООН и ОЭСР прогнозируют сохранение этой тенденции и в 2012 году. Во второй половине 2011 года вновь наблюдалось снижение производства в Словении. Из развитых стран опять-таки проблемные не достигли предкризисного уровня. Кроме Греции и Португалии, это Ирландия, Испания и Италия. Достаточно далеки от достигнутых в прошлом максимумов также страны Балтии, которые особенно глубоко упали во время кризиса, хотя в 2011 году они выделялись достаточно высокими темпами.

Неустойчивость европейского развития имеет для России принципиальное значение, с учетом в том числе того обстоятельства, что на Евросоюз приходится около половины нашего внешнеторгового оборота.

Европа — не единственный регион мира, где ситуация с государственным долгом и бюджетным дефицитом крайне серьезна. Как следует из данных, представленных в табл. 3, государственный долг по развитым странам в целом даже выше, чем по странам еврозоны, и превышает 100% ВВП. Большой «вклад» в этот дисбаланс вносят США и Япония. В США уровень долга превысил в 2011 году 100% ВВП, а в 2013 ожидается его дальнейшее увеличение до 112%. Показательны при этом парламентские баталии в связи с необходимостью законодательного увеличения максимальной планки допустимого долга. Они привели, в частности, к чрезвычайному случаю снижения рейтинга страны агентством *Standart & Poors*. Через непродолжительное время та же проблема возникнет вновь. В Японии в ходе последнего кризиса задолженность превысила 200% ВВП, в 2011 году достигла 233,4%, а в 2013 году прогнозируется ее приближение к 250%. Исключительно велики в этих странах и дефициты государственных бюджетов. Они достигли максимума в 2009 году: 13% ВВП в США и 10,8% в Японии. К 2011 году удалось добиться небольшого снижения — соответственно до 9,8 и 10,1%, а в 2013 году прогнозируется довести их до 6,4 и 8,8%. На Японию дополнительно обрушились последствия тяжелейшего стихийного бедствия.

Но уровень развития и запас прочности этих экономик высок и производство там способно в определенных пределах двигаться вперед и вопреки острейшим долговой и бюджетной нагрузкам. Для США это облегчается ролью доллара как мировой резервной валюты и устойчивым спросом на государственные облигации, которые, несмотря на невысокую доходность, до сих пор считаются наиболее надежными и безопасными. ВВП США превысил в 2011 году уровень, достигнутый перед кризисом, и о достаточно благоприятных прогнозах на нынешний год, во всяком случае на его начало, уже говорилось. В трудные годы кризиса в США особенно болезненно воспринимается ситуация, сложившаяся на рынке труда. Но в последнее время количество создаваемых новых рабочих мест и обращений за пособиями по безработице приблизилось к предкризисному уровню. Хотя после

всех перипетий с раздуванием ипотечного кредитования, послуживших спусковым крючком кризиса, уровень жилищного строительства и продаж новых домов остается относительно низким.

В Японии в 2011 году продолжался небольшой спад, и уровень ВВП оставался там ниже докризисного, но в 2011 году ожидается увеличение производства. Различные международные организации (ООН, МВФ, Мировой банк, ОЭСР) прогнозируют рост ВВП в 2012 году на 1,7—2%, а в 2013 году — на 1,6—2%. В частности, не начата еще реализация программы восстановления инфраструктуры после тяжелейшего землетрясения и цунами 11 марта 2011 года (когда погибло и пропало без вести 19,3 тыс. человек, а общий урон был оценен в 4,3% ВВП), хотя ассигнования на эту программу были выделены. Это может привести к инвестиционному буму и к оживлению отдельных сфер производства как внутри страны, так и в странах, которые будут снабжать Японию необходимой продукцией. Можно ожидать увеличения экспорта и из Японии, который в 2011 году снизился как из-за стихийного бедствия, так и вследствие существенного уменьшения темпов прироста оборота мировой торговли во второй половине 2011 года, в результате чего этот прирост составил в 2011 году 6,6% против 12,4% в 2010 году. Банк Японии с 2008 года проводит мягкую денежную политику, а в конце 2010 года перезапустил программу покупки государственных и корпоративных ценных бумаг с теми же последствиями, что и политика количественного смягчения других стран.

Таким образом, в отдельных развитых странах ожидается оживление конъюнктуры при сохранении, а то и усугублении фундаментальных долгосрочных проблем, связанных с раздутым государственным долгом и высоким бюджетным дефицитом. Здесь тоже заложен потенциальный риск экономической неустойчивости.

Наконец, появились тревожные симптомы и в экономике Китая, на который многие надеялись как на локомотив, способный вытянуть мировую экономику из кризиса. Темпы развития китайской экономики по меркам других стран пока остаются исключительно высокими, но постепенно снижаются. ЦК КПК установил плановый прирост ВВП на 2012 год в 7,5%, тогда как в предыдущие пять лет увеличение ВВП колебалось между 9,2 и 14,2%. Можно ожидать, что фактический темп окажется выше запланированного, однако сам прецедент более низкого задания симптоматичен и свидетельствует о нарастающих проблемах. Неблагоприятный тренд, как правило, еще высокой динамики наблюдается по целому ряду параметров: от экспорта и продукции промышленности до инвестиций в основной капитал, производство цемента и стали или продаж автомобилей. «Мягкой посадкой» в Китае считается возможность сокращения темпов до уровня не ниже 5—6%. Потенциал роста внутреннего спроса еще не исчерпан, в том числе в связи с активным формированием среднего класса и продолжающимся перетоком рабочей силы из деревни в город. Возможно также увеличение инвестиционного спроса. Но замедление темпов развития второй экономики

мира становится крупной угрозой дальнейшего обострения и без того напряженной и нестабильной ситуации в мировом хозяйстве.

Это напряжение связано, как отмечалось, в том числе и с положением на рынке труда. Данные о безработице в разных регионах и странах мира представлены в табл. 5.

Т а б л и ц а 5

Уровень безработицы (%)

	2007	2008	2009	2010	2011
Россия	6,1	6,3	8,4	7,5	6,6
США	4,6	5,8	9,3	9,6	8,9
Япония	3,9	4,0	5,1	5,1	4,6
ЕС	7,6	7,6	9,6	10,1	10,2
Великобритания	5,3	5,6	7,6	7,8	
Германия	8,7	7,5	7,8	7,1	5,9
Франция	8,4	7,8	9,5	9,8	9,7
Бельгия	7,5	7,0	7,9	8,3	7,2
Испания	8,3	11,3	18,0	20,1	21,7
Греция	8,3	7,7	9,5	12,6	
Португалия*	8,9	8,5	10,6	12,0	12,9
Ирландия	4,6	6,3	11,9	13,7	14,4
Польша	9,6	7,1	8,2	9,6	9,7
Чехия	5,3	4,4	6,7	7,3	6,8
Словения	4,9	4,4	5,9	7,3	8,1
Словакия	11,1	9,5	12,0	14,4	13,4
Венгрия	7,4	7,8	10,0	11,2	10,9
Эстония	4,7	5,5	13,8	16,9	12,5
Латвия	6,0	7,5	17,1	18,7	
Литва	4,3	5,8	13,7	17,8	15,4
Бразилия	9,3	7,9	8,1	6,7	6,0
Китай	4,0	4,2	4,3	4,2	4,1

* Оценка.

Источники: Росстат; w3.unece.org/pdxweb/dialog/Saveshow.asp?lang=14; www.ibge.gov.br/english/presidencia/default_ant.php; www.stats.gov.cn/was40/gjtj_en_outline.jsp.

В США и Японии безработица в 2011 году начала снижаться, хотя в США она еще остается на аномально высоком уровне. Но в Европейском союзе безработица растет уже три года подряд. Заоблачно высокой она остается в Испании и продолжает повышаться, хотя, казалось бы, превысила уже все допустимые пределы, достигнув в 2011 году 21,7%. Далее по уровню безработицы выделяются опять-таки проблемные страны: Ирландия, Греция, Португалия, а также государства Балтии, пережившие наиболее глубокий экономический спад. Россия на этом фоне смотрится как страна относительного благополучия, постепенно приближаясь к предкризисному уровню безработицы.

В целом современная экономическая ситуация в мире свидетельствует, с одной стороны, о сохранении напряженности, неустойчивости и неопределенности развития, порождающих высокие риски, а с

другой — о том, что, как бы ни складывалась текущая конъюнктура, решение фундаментальных проблем, связанных в особенности с долговым и бюджетным кризисами, потребует немало времени.

В этой связи представляется актуальным обоснование тезиса о том, что современный кризис не сводится к традиционному циклическому, а представляет собой особое явление, которое, как отмечалось в начале статьи, В. А. Мау назвал в соответствующем разделе Обзора ИЭПП системным структурным кризисом. Эту мысль он выдвигал в общей форме еще год назад. В Обзоре за 2011 год автор выделяет следующие особенности такого кризиса, важные в том числе для обеспечения выхода из него:

- серьезные дисбалансы, определяемые глубокими технологическими сдвигами. Соответственно выход из кризиса будет зависеть от преобразования технологической базы ведущих стран посредством распространения новых технологий;
- геэкономические и геополитические дисбалансы, особенно наглядно проявившиеся в изменении ролей развитых и быстроразвивающихся стран при не сложившемся еще новом мировом равновесии;
- глобальный характер кризиса, когда нет значимых стран, которых бы он ни затронул;
- неочевидность сохранения господства прежних валют и возможность появления новых перспективных мировых валют;
- необходимость разработки новых подходов к анализу и регулированию социально-экономических процессов, определяющая серьезный интеллектуальный вызов;
- продолжительный характер кризиса, который охватит примерно десятилетний период, названный автором «турбулентным десятилетием». Приведенная характеристика современной ситуации вполне подпадает под это определение;
- наконец, принятие сильнодействующих и не всегда адекватных антикризисных мер, что связано как с остротой структурных проблем, которые предстоит решить, так и с интеллектуальной неготовностью предложить обоснованную программу их решения. В итоге требуется время не только для преодоления кризиса, но и для устранения последствий борьбы с ним. На осознание необоснованности и вредности традиционной антикризисной политики уходит несколько лет.

На современном этапе глобализации возрастает значение глобальных структурных дисбалансов, особенно между развитыми и ведущими развивающимися странами. Сменилась модель развития: если сто лет назад капитал двигался из развитых стран на периферию, то теперь развивающиеся рынки стали центрами сбережений, а США и другие развитые страны — преимущественно потребителями произведенных в развивающихся странах товаров. К структурным дисбалансам автор относит и нарастание конфликта между капитализацией,

определяющей на практике успешность развития компаний, и ростом их эффективности и производительности, то есть конфликта между их краткосрочными и долгосрочными интересами, — поскольку повышение производительности труда может требовать решений, далеко не всегда приводящих к росту капитализации, хотя эти процессы в конечном счете друг с другом связаны.

Системный кризис требует и новой модели регулирования. Сам кризис может объясняться как провалами рынка, так и провалами государства, но очевидно, что требуется усиление государственного регулирования в сфере финансовых рынков, ситуация на которых и привела к катастрофическим последствиям. При этом регулирование должно носить наднациональный, если не глобальный характер. Но механизмы такого регулирования пока остаются непроработанными. Выход из кризиса также тесно связан с реструктуризацией отраслей социальной сферы: образования, здравоохранения, пенсионной системы, поскольку бюджеты развитых стран не выдерживают заложенного в них высокого уровня социальной поддержки, особенно в условиях демографического кризиса. Все это обостряет и политическую ситуацию во многих странах.

Естественен вопрос: какой должна быть рациональная политика России, чтобы если не исключить, то хотя бы смягчить последствия угроз, связанных с продолжением системного мирового кризиса и с затяжным процессом выхода из него? В. А. Мау дает свой ответ на этот вопрос в следующей части раздела, где приводится обоснование потребности перехода к новой модели экономического роста, которая положена в основу разработанной экспертным сообществом стратегии развития страны до 2020 года. Сложившуюся модель (ее особенности подвергнуты подробному анализу) автор называет «экономикой спроса». Новую модель — «экономикой предложения». Сами названия носят, видимо, в определенной мере условный характер, ибо спрос остается двигателем и в «экономике предложения». Но главное заключается в разном характере формирования спроса. Если говорить кратко и потому упрощенно, то в «экономике спроса» росту последнего в немалой мере способствуют экспансия бюджетных расходов (связанная в том числе с популизмом), мягкие бюджетные ограничения (хотя некоторое время удавалось соблюдать строгие правила распределения нефтяных доходов), расширение круга государственных и квазигосударственных структур (неизбежно усиливающих монополизм), поддержка крупных и неэффективных экономических субъектов (чтобы сглаживать социальную напряженность), а при благоприятной конъюнктуре мировых цен на углеводороды и широкой доступности кредитов, включая западные, — повышенные темпы роста инвестиций и доходов работников не только в государственной сфере. Среди подвергнутых анализу основных ограничений этой модели В. А. Мау подчеркивает роль неблагоприятного предпринимательского климата. Если по уровню

развития Россия находится близко к пятидесятому месту из почти двухсот стран, то по качеству институтов — во второй сотне.

В «экономике предложения» спрос не стимулируется искусственно. Переход к ней обеспечивается более жесткой бюджетной и денежной политикой, усиливающей конкуренцию и повышающей конкурентоспособность экономики. Речь идет о снижении бюджетной нагрузки по отношению к ВВП, создающей стимулы для бизнеса, о восстановлении жесткого бюджетного правила, ограничивающего направление нефтяных доходов на текущие нужды (предлагается, в частности, опираться при расчете бюджета на среднюю десятилетнюю цену на нефть, а более высокие доходы направлять в резервный фонд и не расходовать в текущем порядке), о допущении дополнительных расходов только при четком определении дополнительных доходов при ограничении суммы заимствований пределом в 25% ВВП и т. п. В бюджетной политике необходим структурный маневр по увеличению инвестиционных и инновационных (особенно на развитие человеческого капитала) расходов бюджета, а также по сокращению социальных расходов (за счет расширения полномочий регионов) и финансирования силовых структур. В денежной политике центральное место приобретает снижение инфляции до уровня примерно в 5%. Предлагается разработать специальную программу по укреплению международных позиций рубля, в том числе посредством создания в стране международного финансового центра. Обоснованы также основные направления деятельности, позволяющие обеспечить:

- более высокий уровень организации финансовых рынков;
- развитие предпринимательского климата и стимулирование частно-предпринимательской деятельности;
- либерализацию и повышение эффективности рынка труда;
- активизацию вложений в человеческий капитал;
- повышение открытости экономики;
- стимулирование конкуренции, в первую очередь за счет вступления России в ВТО, формирования Таможенного Союза и Единого экономического пространства;
- успешное пространственное развитие страны.

Переход от ручного управления к жестким правилам экономического регулирования и выработка комплексной стратегии модернизации, обеспечивающей модернизацию не только технологий, но и институтов, — единственно возможный путь противодействия как внешним, так и внутренним рискам дестабилизации. Внешние факторы связаны с рассмотренными выше проблемами неустойчивости мирового развития, которые при снижении цен на углеводороды могут ударить по самому уязвимому и болезненному нерву российской экономики — нефтяной зависимости и заставить чрезмерно увеличивать внешний долг или, как говорится, «резать по живому» расходы бюджета. Из внутренних угроз особенно опасен переход к политике бюджетного популизма.